

На правах рукописи

Калинина Алевтина Анатольевна

**КАТЕГОРИЯ УТВЕРЖДЕНИЯ/ОТРИЦАНИЯ
В ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ТИПАХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 2011

Работа выполнена на кафедре русского языка федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский педагогический государственный университет»

Научный консультант:

доктор филологических наук, профессор **Бабайцева Вера Васильевна**
(Московский педагогический государственный университет)

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор **Андромонова Наталия Алексеевна**
(Казанский (Приволжский) федеральный университет)

доктор филологических наук, профессор **Герасименко Наталья Аркадьевна**
(Московский государственный областной университет)

доктор филологических наук, доцент **Сыров Игорь Анатольевич**
(Стерлитамакская государственная педагогическая академия
им. Зайнаб Биитовой)

Ведущая организация:

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

Защита состоится «26» апреля 2012 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: г. Казань, ул. Татарстан, 2.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Автореферат разослан _____ 2012 года

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Т.Ю. Виноградова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Объектом исследования реферируемой диссертации является структурно-семантическая категория утверждения/отрицания, а ее непосредственным **предметом** – особенности функционирования данной категории в различных типах предложений, выделяемых по цели высказывания.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что вопрос об особенностях реализации значений утверждения/отрицания в различных функциональных типах предложений в современном русском языке предметом специального изучения еще не был.

Методологической базой исследования послужили теоретические положения структурно-семантического направления, представляющего собой очередной этап развития традиционного (классического) языкознания, а также учение о синкретизме языковых явлений, разрабатываемое в трудах В.В. Бабайцевой.

Теоретическую основу исследования составляют следующие основные положения и принципы структурно-семантического направления, которым мы следуем в нашей работе:

- 1) положение о многоаспектности языка, его категорий и единиц;
- 2) внимание к переходным образованиям, обеспечивающим системный характер организации языка в целом и его грамматического строя.

В соответствии с теоретическими установками данного направления в нашей работе осуществляется комплексное структурно-семантическое исследование категории утверждения/отрицания, рассматриваемой в ее системных связях с другими категориями, с позиций многоаспектного подхода к ее изучению и описанию.

Категория утверждения/отрицания является очень сложной в теоретическом отношении. В своем исследовании мы опираемся на идеи и концепции, изложенные в работах классиков отечественного и зарубежного языкознания (В.В. Виноградов, А.М. Пешковский, А.А. Шахматов, Ш. Балли, О. Есперсен), а также на работы современных исследователей данной категории. В обширной литературе вопроса, кроме многочисленных статей и диссертационных работ, посвященных проблематике языкового утверждения/отрицания, имеется целый ряд работ обобщающего, аналитического характера, в которых дается систематизированное изложение точек зрения по многим из интересующих нас вопросов (см., напр.: [Бродский 1973; Бахарев 1980; 2000; Бондаренко 1983]).

В настоящее время исследование категории утверждения/отрицания осуществляется в условиях отсутствия единой теории утверждения/отрицания. Существуют, никак не соприкасаясь друг с другом, и в известной степени противоборствуют две основных концепции отрицания – традиционная и обновленная.

В рамках традиционного подхода категория утверждения/отрицания понимается как грамматическая, объективно-логическая в своей семантической основе категория языка, отражающая явления реальной действительности,

отношения самих вещей (см. работы К. Дондуа [Дондуа 1946 (1975)], С.А. Васильевой [Васильева 1958], А.А. Сухаревой [Сухарева 1958], Е.И. Шендельс [Шендельс 1959], Л.П. Шипулиной [Шипулина 1961], Е.А. Седельникова [Седельников 1970], Н.Г. Озеровой [Озерова 1978], А.И. Бахарева [Бахарев 1980] и др. исследователей).

В современных семантических концепциях (работы Ш. Балли, Г. Фреге, Е.В. Падучевой, Н.Д. Арутюновой, И.Б. Шатуновского и др.) отрицание трактуется как категория, имеющая субъективно-гносеологическую природу. Отрицание понимается как оператор, применяемый по отношению к целой пропозиции, и семантически интерпретируется при помощи метаязыкового предиката «неверно, что». Отрицательное высказывание обозначает, что некое утвердительное высказывание, выполненное ранее или относящееся к фонду пресуппозиций коммуникантов, является ложным (например, смысл отрицательного высказывания *Весна не наступила* следует интерпретировать как ‘неверно, что весна наступила’).

В нашем понимании категория утверждения/отрицания не является единой в своей семантической сущности. Это категория, имеющая двойственную, объективно–субъективную природу. Как компонент дескрипции категория утверждения/отрицания отображает связи и отношения, присущие миру действительности (онтологический денотат утверждения/отрицания). Как категория, имеющая субъективно-гносеологическую природу, категория утверждения/отрицания выражает отношение субъекта к идее в плане ее соответствия действительности (верификативные смыслы утверждения/отрицания). Ср.: *Нет, весь я не умру* – / *Душа в заветной лире / Мой прах переживет и тленья убежит...* (А. Пушкин) – как отклонение положительного коррелята, т.е. ‘неверно, что я умру весь’.

По нашему мнению, отрицательное (равно как и утвердительное) высказывание может представлять собой реакцию говорящего на истинностное содержание чужого высказывания (мнения). Однако вполне возможны и нейтральные утвердительные или отрицательные высказывания, воспроизводящие положительный или отрицательный факт реальной действительности. Ср.: *Он не придет* как высказывание объективно-информативного характера и *Он не придет* как отклонение утвердительного коррелята *Он придет*.

Исследование утверждения и отрицания с позиций многоаспектного подхода к данному языковому феномену предполагает «широкое» понимание области значений, охватываемых оппозицией «утверждение/отрицание». Согласно «широкому» пониманию, к системе значений категории утверждения/отрицания следует отнести ее модальные и эмоционально-оценочные «оттенки» («модификации»), аксиологические смыслы «хорошо»/«плохо», а также значения «функционального типа» (т. наз. «смежные значения») – согласие/несогласие, возражение, подтверждение/опровержение. Значения согласия/несогласия, подтверждения/опровержения мы рассматриваем как область (ярус)

прагматических значений, реализуемых в рамках общей оппозиции «утверждение/отрицание».

Как в грамматических исследованиях, так и в системах семантических описаний внимание исследователей обращено, главным образом, к феномену языкового отрицания. С точки зрения нашего исследовательского подхода, утверждение и отрицание – это парные, соотносительные понятия, взаимно предполагающие и взаимно обуславливающие друг друга, образующие в своей совокупности единую, бинарную категорию утверждения/отрицания. По нашему мнению, категория отрицания не может продуктивно исследоваться в отрыве от своего положительного противочлена. В понимании семантической сущности категории утверждения/отрицания мы исходим из того, что семантически значимым и прагматически нагруженным может быть не только отрицание, но и утверждение. Ср.: *Я весь умру* как отрицание отрицательного коррелята *Весь я не умру*, составляющего пресуппозицию данного высказывания: *Я весь умру. Всерьез и бесповоротно. / Я умру действительно! / Я не перейду в травы, в цветы, в жучков. / От меня ничего не останется...* (Е. Винокуров).

Анализ категории утверждения/отрицания как многоаспектной структурно-семантической категории, имеющей отношение к различным планам смысловой организации высказывания, предусматривает ее рассмотрение в широких семантических связях с другими категориями предложения – категорией модальности и категорией коммуникативной целеустановки (цели высказывания).

Таким образом, в нашем исследовании принято понимание категории утверждения/отрицания как сложного, многомерного явления языка и речи (в противоположность одномерному, одноаспектному ее представлению). В соответствии с многоаспектным подходом в работе анализируются структурный (конструктивно-грамматический), семантический и коммуникативно-прагматический аспекты категории утверждения/отрицания в их обязательной взаимной соотнесенности.

Как категория структурного (конструктивно-грамматического) аспекта предложения утверждение/отрицание проявляет себя в делении предложений по признаку «положительная/отрицательная форма высказывания», находящем свое выражение в наличии/отсутствии грамматических показателей отрицания (*не* и его аналогов) в структуре предложения.

Как тип грамматической абстракции категория утверждения/отрицания характеризует отношения между компонентами предикативного ядра, положительный или отрицательный характер подлежащно-сказуемостной связи (предикативных отношений).

В области денотативных смыслов категория утверждения/отрицания обращена к тем сторонам действительности, которые обобщены в понятиях «бытие/небытие», «наличие/отсутствие», «существование/несуществование» (онтологический денотат утверждения/отрицания). В зависимости от логико-грамматического типа высказывания эта семантика конкретизируется в значениях «бытие/небытие сущности», «наличие/отсутствие действия,

состояния, события, факта, ситуации в целом», «присущность/неприсущность признака предмету» и т.д.

В своей прагматической ипостаси утверждение/отрицание – категория, с помощью которой оценивается соответствие или несоответствие мысли действительности. Эта оценка входит в круг модальных (верификативных) значений категории утверждения/отрицания. Прагматическое отрицание (в контексте нашего подхода – и утверждение) как тип отношения к истинностному содержанию высказывания, принадлежащего другому лицу, прослеживается в составе диалогического единства и в пределах одного высказывания, содержащего указание на чужое мнение.

Многоаспектный подход к исследованию категории утверждения/отрицания предполагает учет всех ее сторон-аспектов, а также учет многоплановости, многогранности ее содержательной стороны. Недостаточно описывать только грамматику этой категории, не обращаясь к коммуникативно-прагматическим аспектам ее функционирования, однако нельзя исследовать семантико-прагматические особенности категории утверждения/отрицания в отрыве от грамматической, в том числе формальной стороны этого языкового явления.

Многоаспектность категории утверждения/отрицания и многоплановость ее содержательной стороны мы рассматриваем как объективную предпосылку явлений синкретизма в оппозиции «утверждение/отрицание». В связи с этим предметом особого внимания в нашей работе являются многочисленные и разнообразные случаи синкретизма в оппозиции «утверждение/отрицание», требующие обобщения и систематизации. Более того, основной акцент в исследовании сделан на выяснении структурных и семантических признаков конструкций, характеризующихся сложным, неоднозначным соотношением широко понимаемых «формы» и «значения».

Интерес к переходным явлениям всегда был характерен для отечественной лингвистики. В.А. Богородицкий, А.М. Пешковский, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов и другие представители классического языкознания исследовали явления языка во всей их многогранности, не оставляя без внимания факты, не укладывающиеся в жесткие рамки классификационных схем. В настоящее время явления переходности в грамматическом строе языка теоретически обоснованы и всесторонне освещаются в работах В.В. Бабайцевой, ее многочисленных учеников и последователей.

Исследование синкретичных образований в оппозиции «утверждение/отрицание» интересно не только само по себе, но и в плане выявления существенных сторон самой категории утверждения/отрицания. Без описания явлений переходности в этой языковой области картина функционирования категории утверждения/отрицания, на наш взгляд, была бы неполной.

Исходя из всего сказанного, **цель** нашего **исследования** заключается в том, чтобы на основе понимания категории утверждения/отрицания как многоаспектного явления языка и речи выявить особенности реализации

значений утверждения/отрицания в различных по коммуникативной целенаправленности типах предложений в современном русском языке, учитывая наличие явлений синкретизма (зоны переходности) как в системе функциональных типов предложений, так и в оппозиции «утверждение/отрицание».

В соответствии с целью исследования представляется необходимым решение следующих исследовательских **задач**:

1. Определить языковой статус категории утверждения/отрицания как многоаспектной структурно-семантической категории языка, показать многомерность и сложность ее содержательной стороны.

2. Раскрыть различные грани категориальной семантики утверждения/отрицания, проследить соотношение грамматического и логического, грамматического и семантического в значении данной категории.

3. Показать функциональные возможности категории утверждения/отрицания как категории сверхфразового единства и текста.

4. Проследить специфику проявления значений, охватываемых оппозицией «утверждение/отрицание», в отдельных разновидностях повествовательных предложений.

5. Выявить своеобразие оппозиции «утверждение/отрицание» в классе «неповествовательных» (вопросительных и побудительных) предложений.

6. Определить состав предложений, синкретичных по признаку утвердительности/отрицательности, в пределах каждого коммуникативного типа высказываний.

7. Выявить структурные и семантические особенности синкретичных образований, обусловленные асимметрией плана выражения и плана содержания по признаку утвердительности/отрицательности.

8. Показать взаимодействие категории утверждения/отрицания со смежными категориями предложения-высказывания – категорией модальности и категорией коммуникативной целеустановки.

Научная новизна диссертационного исследования заключается:

- в представлении категории утверждения/отрицания как многоаспектной структурно-семантической категории языка, в анализе различных сторон-аспектов данной категории – грамматического, семантического, коммуникативно-прагматического (функционального);

- в анализе дихотомии «утверждение/отрицание» на материале различных функциональных типов предложений, что до настоящего времени в полном объеме еще не осуществлялось;

- в исследовании области значений категории утверждения/отрицания с позиций теории переходности и синкретизма.

Теоретическая значимость исследования обуславливается тем, что в работе рассматриваются многие актуальные и теоретически сложные проблемы общелингвистического характера, касающиеся самой сущности феномена языкового утверждения/отрицания. В диссертации так или иначе затрагиваются проблемы взаимоотношения категории утверждения/отрицания и категории модальности, взаимосвязь и взаимодействие категории утверждения/отрицания

и категории коммуникативной целеустановки, а также проблемы соотношения грамматического и логического, грамматического и семантического, семантического и прагматического в содержании данной категории. Проблематика диссертационного исследования имеет отношение к вопросам синтаксической омонимии, синтаксической синонимии, смысловой эквивалентности, денотативной равнозначности. В работе решаются и более частные проблемы, связанные с особенностями функционирования категории утверждения/отрицания в разных коммуникативных типах предложений: совместимость категориальной семантики утверждения/отрицания с семантикой вопросительности и побудительности, проблема бинарности/трехчленности/многочленности оппозиции «утверждение/отрицание», возможность квантификации значений утверждения/отрицания и, соответственно, градуальный/неградуальный характер данной оппозиции, проблема эмфатического и экспрессивного утверждения/отрицания и др.

Практическая ценность исследования состоит в том, что его выводы и результаты, а также речевой материал могут быть использованы при подготовке спецкурсов и спецсеминаров по проблемам языкового утверждения/отрицания и теории переходности, на лекциях и практических занятиях по синтаксису современного русского языка, в курсах стилистики и риторики.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Категория утверждения/отрицания – многоаспектная структурно-семантическая категория языка и речи, категория структурного (конструктивно-грамматического) аспекта предложения-высказывания и различных сторон его содержательной стороны.

2. Семантика утверждения/отрицания имеет многоуровневый характер и складывается из грамматического, семантического (предметно-вещественного) и прагматического компонентов. Указанные аспекты составляют неразрывное единство и соотносятся в рамках глобального противопоставления формы и содержания.

3. Утверждение и отрицание как сущности семантического порядка способны к градации как в сторону усиления, так и в сторону ослабления. Область значений неполного (ослабленного) утверждения и отрицания выполняет роль связующего звена между противочленами данной оппозиции.

4. Дихотомия «утвердительность/отрицательность» (в семантическом преломлении этих понятий – «положительность/отрицательность») как явление содержательной стороны предложения-высказывания распространяется на все функциональные типы высказываний, видоизменяясь сообразно типовой семантике повествовательности (нарративности), вопросительности (интеррогативности) и побудительности (императивности), что обуславливает специфическое семантическое содержание отношений, реализуемых в рамках оппозиции «утверждение/отрицание», и особенности коррелятивных отношений по признаку утвердительности/отрицательности в пределах каждого из функциональных типов предложений.

5. Многоаспектность категории утверждения/отрицания, многоплановость ее содержательной стороны определяет наличие многочисленных явлений переходности между полярными типами в этой языковой области, причем именно синкретичные образования, характеризующиеся асимметрией в соотношении разных сторон-аспектов данной категории, с наибольшей отчетливостью выявляют многоаспектную природу языкового утверждения/отрицания.

6. Синкретичные типы высказываний обнаруживают взаимодействие сразу по двум классификационным признакам: предложения, характеризующиеся функциональным синкретизмом (вопросительно-повествовательные, вопросительно-побудительные), как правило, синкретичны и по признаку утвердительности/отрицательности, и, наоборот: неоднозначность высказывания в плане утвердительности/отрицательности свидетельствует о его смещении в область функций другого коммуникативного типа высказываний.

7. Область значений, охватываемых оппозицией «утверждение/отрицание», тесно спаяна с областью модальных и коммуникативных значений предложения-высказывания.

Главным **методом исследования** является описательный метод, основанный на наблюдениях за фактами языка, их классификации и обобщении, – в соответствии с методологическими принципами структурно-семантического направления, требующего описания объекта в его цельности, в единстве всех составляющих его сторон-аспектов. По мере необходимости в исследовании применяются такие приемы лингвистического анализа, как трансформации, перевод на семантический метаязык, элементы пресуппозиционного и компонентного анализа.

Речевой материал был извлечен из произведений классической и современной русской литературы XIX–XXI вв., периодической печати и других средств массовой информации.

Апробация работы. Положения диссертационного исследования были изложены в публикациях и выступлениях на ряде международных, всероссийских, региональных научных и научно-практических конференций: IX научная конференция молодых ученых и специалистов Волго-Вятского региона (Горький, Горьковский государственный университет, 1989 г.); Семантика языковых единиц: 4-я международная научная конференция (Москва, 1994 г.); Актуальные проблемы современной русистики: 2-я региональная научно-практическая конференция (Арзамас, АГПИ им. А.П. Гайдара, 1994 г.); Функционально-семантические аспекты изучения русского слова: межвузовская конференция (Орехово-Зуево, 1994 г.); Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: международная конференция (Владимир, ВГПУ, 1995 г.); Актуальные проблемы современной русистики: III региональная научно-практическая конференция (Киров, 1996 г.); Семантика языковых единиц: V Международная конференция (Москва, 1996 г.); Языковая семантика и образ мира: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского

университета (Казань, 7–10 октября 1997 г.); Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: международная конференция (Владимир, ВГПУ, 1997 г.); Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: третья международная конференция (Владимир, ВГПУ, 1999 г.); Актуальные проблемы современной русистики: Всероссийская научно-практическая конференция памяти В.И. Чернова (Киров, ВГПУ, 2000 г.); Текст. Структура и семантика: VIII Международная конференция (Москва, 2001 г.); Текст. Структура и семантика: IX Международная конференция (Москва, 2004 г.); Структурно-семантическое описание единиц языка и речи: Конференция, посвященная 80-летию доктора филологических наук профессора Веры Васильевны Бабайцевой (Москва, МПГУ, 13–15 октября 2005 г.); Безопасность человека, общества, природы в условиях глобализации как феномен науки и практики. Девятые Вавиловские чтения: Постоянно действующая всероссийская междисциплинарная научная конференция с международным участием (Йошкар-Ола, МарГТУ, 24–27 ноября 2005 г.); Научное наследие Б.Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики: Международная научная конференция, посвященная 90-летию профессора Б.Н. Головина (Нижний Новгород, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского и Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 23–25 мая 2006 г.); Тихоновские чтения. Теория языка. Словообразование. Лексикография: Международная научно-практическая конференция, посвященная 75-летию доктора филологических наук профессора А.Н. Тихонова (Елец, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина совместно с Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 21–23 ноября 2006 г.); Язык. Система. Личность: Всероссийская научная конференция (Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет, 23–25 апреля 2006 г.); Филологический анализ текста: концептуальность и аналитизм: Всероссийская научная конференция (Йошкар-Ола, Марийский государственный педагогический институт им. Н.К. Крупской, 16–19 октября 2006 года); Потенциалы России в глобальном мире: Проблема адаптации и развития. Десятые Вавиловские чтения: Постоянно действующая Всероссийская междисциплинарная научная конференция с международным участием. Йошкар-Ола. Марийский государственный технический университет. Под эгидой Российской академии наук, 16–19 ноября 2006 г.); Современная парадигма лингвистических исследований: методы и подходы: Всероссийская научно-практическая конференция (Стерлитамак: Стерлитамакская государственная педагогическая академия, 20–23 ноября 2006 г.); Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2007 г.); В.А. Богородицкий и современные проблемы исследования и преподавания языков. Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 150-летию члена-корреспондента Академии наук, профессора В.А. Богородицкого (Казань, 18–21 апреля 2007 г.); В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение: Международная научная конференция. Казанский

государственный университет. Институт языкознания Российской академии наук. Институт лингвистических исследований Российской академии наук (Казань, 4–7 мая 2007 г.); Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты: VII-я Международная научная конференция. Институт языкознания РАН; Ульяновский государственный университет (Ульяновск, 16–19 мая 2007 г.); Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. К 100-летию профессора Анатолия Михайловича Иорданского: VII-я международная конференция (Владимир, ВГПУ, 25–27 сентября 2007 г.); Активные процессы в современной грамматике: Международная конференция (Москва, МПГУ, 19–20 июня 2008 г.); Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет. 20–23 марта 2010 года); Язык, литература, культура и современные глобализационные процессы: Международная конференция. Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского (ННГУ) и Российское общество преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ) (Нижний Новгород, ННГУ. 21–23 апреля 2010 г.) и некот. др.

По теме диссертации **опубликовано** 67 научных работ.

Структура исследования продиктована его целями.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка, включающего более 500 наименований, и списка источников речевого материала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** представлен краткий библиографический обзор литературы вопроса, намечены цель, задачи, пути и методика исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту, указаны источники речевого материала, а также изложены концептуальные основы нашего исследования в том объеме, который необходим для понимания сущности обсуждаемых в диссертации проблем.

Основная часть состоит из трех глав, в которых анализируется содержательная сторона оппозиции «утверждение/отрицание» и система коррелятивных отношений по признаку утвердительности/отрицательности в трех традиционно выделяемых функциональных типах предложений: повествовательных (1-я глава), вопросительных (2-я глава) и побудительных (3-я глава). В каждой из глав дается обзор наиболее показательных синтаксических структур, требующих осмысления с точки зрения нашего исследовательского подхода. Главный акцент в работе сделан на конструкциях, характеризующихся конфликтным соотношением формы и содержания в рамках дихотомии «утверждение/отрицание».

Суть нашего подхода составляет представление о том, что каждый из функциональных типов предложений репрезентирует определенный тип семантического содержания. Специфическое мыслительное содержание создает особую семантическую среду, обуславливающую своеобразие семантики,

реализуемой в рамках оппозиции «утверждение/отрицание», в различных по коммуникативной целенаправленности типах высказываний.

В **первой главе** «Категория утверждения/отрицания в повествовательном предложении» рассматриваются особенности выражения значений утверждения/отрицания в классе повествовательных предложений.

Проблема реализации значений утверждения/отрицания в повествовательном предложении затрагивает весь комплекс теоретических проблем языкового утверждения/отрицания, которые издавна и традиционно рассматриваются на материале повествовательных предложений. Используя тип повествовательных предложений как базовую модель для наблюдения отношений утверждения/отрицания, считаем необходимым высказать свое отношение к проблеме объективно-онтологического или субъективно-гносеологического статуса категории утверждения/отрицания. В ряду других проблем языкового утверждения/отрицания, безусловно, одной из основных является проблема взаимоотношений утверждения/отрицания и модальности.

Повествовательные предложения представляют собой удобный материал для наблюдения феномена языкового утверждения/отрицания в трех измерениях, характерных для современных подходов к языку, – в плоскости грамматики (синтактики), семантики и прагматики этих отношений (в соответствии с принятым в нашей работе многоаспектным подходом). Разнообразные типы синтаксических конструкций, объединяемых под рубрикой «повествовательные предложения», могут служить в качестве микроконтекста для наблюдения различных сторон языкового утверждения/отрицания.

Из всего многообразия проблем, связанных с особенностями функционирования категории утверждения/отрицания в различных типах повествовательных предложений, мы остановили свой выбор на следующих:

- 1) проблема общего и частного отрицания;
- 2) проблема контрастивного (противопоставительного) отрицания;
- 3) особенности семантики утверждения/отрицания в сфере обозначения качества;
- 4) ограничение утверждения и отрицания в предложениях с наречиями *почти, едва, еле (еле-еле), чуть* и приглагольными частицами *чуть не, чуть ли не, чуть было не; едва не, едва ли не*;
- 5) утверждение и отрицание в условиях предположительной (гипотетической) модальности;
- 6) особенности функционирования категории утверждения/отрицания в сфере выражения согласия/несогласия.

При рассмотрении избранных объектов нас интересовала корреляция между формальной устроенностью предложения и его смыслом, грамматической организацией утвердительных/отрицательных предложений и тем, что им соответствует в мире денотатов. При этом обнаруживается столкновение «грамматического и семантического взглядов на вещи».

Последовательность расположения параграфов и разделов данной главы отражает логику рассмотрения языкового материала от грамматики к семантике

и прагматике языкового утверждения/отрицания. Вначале, под новым углом зрения, рассматриваются проблемы, традиционно входящие в орбиту грамматических исследований («Проблема общего и частного отрицания», «Утверждение и отрицание в отрицательно-противопоставительных конструкциях, соответствующих формуле *не А, а В (В, а не А)*», «Утверждение и отрицание в условиях сочинительно-градационных отношений», «Утверждение и отрицание в сфере обозначения качества»), затем проблемы, относимые к ведению семантики («Ограничение утверждения и отрицания в предложениях с наречиями *почти, едва, еле (еле-еле), чуть* и их коррелятами с *не*», «Утверждение и отрицание в предположительных высказываниях», «Статус сомнения в оппозиции «утверждение/отрицание»). Далее мы рассматриваем проблемы, связываемые с областью прагматики категории утверждения/отрицания («Согласие/несогласие, подтверждение/опровержение в системе значений категории утверждения/отрицания»).

Общеотрицательные и частноотрицательные предложения, противопоставительные конструкции, строящиеся с участием грамматического отрицания, традиционно были предметом внимания со стороны синтаксистов. Нас эти конструкции привлекают в связи с возможностью выявления предметно-вещественной и мыслительной (понятийной) семантики языкового утверждения/отрицания – в соотнесенности с синтаксической стороной данного явления.

Классификация отрицательных предложений по принципу «общее отрицание/частное отрицание» вызывает ряд проблем при дифференциации утвердительных и отрицательных предложений. Частноотрицательные предложения – ср.: *Я хожу в цилиндре – не для женщин...* (С. Есенин); *Талант надо иметь к любви. Не у всех он есть, дар Божий этот. Любить не все умеют* (Комсомольская правда. 09–16.12.2010) – синкретичны даже с точки зрения структурно-грамматического аспекта: частноотрицательное предложение содержит отрицательный формант, однако связь сказуемого с подлежащим характеризуется как позитивная.

С точки зрения семантической стороны данного явления важно то, что, наряду с отрицаемым, частноотрицательное предложение содержит в себе элементы позитивной характеристики явления (ситуации), отображаемой предложением. В качестве обратной стороны отрицаемого выступает указание на наличие (существование) явлений (предметов, действий, признаков), не включенных в число отрицаемых: *приходил не вчера* = ‘приходил не вчера (а сегодня, позавчера)’ и т.д. → ‘когда-то все-таки приходил’.

При рассмотрении проблемы общего и частного отрицания представляется возможным провести параллель между понятиями отрицание «общее и частное», «полное и неполное (частичное)» и отрицание «нейтральное и противопоставительное» (И.М. Богуславский): общее отрицание есть отрицание полное и нейтральное (в смысле «непротивопоставительное»), а частное отрицание есть отрицание неполное (частичное) и противопоставительное. Частное отрицание всегда подразумевает противопоставление и связанное с ним утверждение.

Центральное место среди конструкций, предназначенных для выражения отрицательно-противопоставительного значения, принадлежит предложениям, соответствующим схеме *не А, а Б*. Знай: сила **не** в богатстве, / **Не** в том, велик ли, мал ли чин, / *А* в равенстве и братстве! (Н. Некрасов); **Не** небесам чужой отчизны / – Я песни родине слагал! (Н. Некрасов). Предложения рассматриваемого типа могут получить различную интерпретацию с позиций грамматики, с позиций логики и с семантических позиций.

В анализируемых конструкциях отрицание формально относится к отдельному компоненту синтаксической структуры, но это отрицание обозначает не отсутствие (несуществование) самого объекта, обозначенного словоформой, имеющей при себе отрицание, а отсутствие того действия, признака, состояния, которые имеют место в отношении другого объекта данного совокупного множества. В предложениях с противопоставительным отрицанием воссоздается единая, целостная ситуация объективной действительности, когда одно и то же действие (состояние, свойство и т.п.) распространяется на один предмет (класс предметов) и одновременно не распространяется на другой предмет (предметы) того же рода. Основное назначение противопоставительных конструкций, строящихся с участием грамматического отрицания, – актуализированное утверждение положительной альтернативы на фоне формально отрицаемого члена противопоставления.

Как и частное отрицание, контрастивное отрицание также не является «чистым» отрицанием и может квалифицироваться как отрицание с переходом к утверждению. В составе противопоставительной конструкции отрицаемое (негативная часть информации) неизменно сопровождается сообщением сопредельной позитивной информации, поскольку противопоставительное отрицание с логической неизбежностью вызывает представление о положительном члене противопоставления.

Анализ градационных конструкций, оформленных при помощи «отрицательно-утвердительных» градационных союзов, позволяет вскрыть функциональные особенности утверждения и отрицания, реализуемого «в контексте» градационных отношений.

Частица *не* входит в состав градационных союзов *не только... но (а) и, не столько... сколько, если не... то (так), не... так, хоть не... так, если не... то (так), не то что... а, не то чтобы... а, не то, а не то*. Напр.: *Грязной в России является не только политика, но и вода* (Собеседник. 2008. № 12); *В России важен не столько вектор, сколько масштаб* (Собеседник. 2010. № 34); *Выражение лица его было не то чтобы грустным, скорее уставшим* (Собеседник. 2010. № 38); *Я не то что испугался, просто решил помолчать* (Собеседник. 2010. № 36).

В отличие от противопоставительных конструкций, соответствующих схеме *не А, а Б*, в составе градационных конструкций с отрицательно-утвердительными союзами ситуация выбора из двух альтернатив не заканчивается полным исключением ни одной из них, хотя в качестве более предпочтительной рассматривается положительная альтернатива.

В п. «Утверждение и отрицание в сфере обозначения качества» осуществляется анализ отрицательных структур с качественным значением словоформ в функции сказуемого.

В сфере выражения качественной семантики отрицание одного качества фактически дает содержание другого, обычно противоположного качества. Поэтому предложения типа *Он не был богат* и *Он был небогат*, антонимически противопоставленные в плане их грамматической организации (по принципу «утвердительная/отрицательная форма предиката»), по смыслу (как речевые образования) являются весьма близкими, синонимичными.

Как правило, задачей конструкций типа *Она не была здорова* является не простое отрицание названного качества, а указание на наличие антонимически противоположного качества (*Она не была здорова* = 'Она была больна'). Ср.: *Лес ли начнется – сосна да осина...* / **Не весела** ты, родная картина! (Н. Некрасов); *Я человек **не новый!*** / *Что скрывать?* (С. Есенин). Однако возможно противопоставление и иного рода. Ср.: *Он не беден* (но при этом и не богат, т.е. является человеком среднего достатка). В таких предложениях качество, противоположное названному, не утверждается, а также отрицается, благодаря чему констатируется наличие некоего промежуточного, «среднего» качества и устанавливаются отношения «ни...ни = и не...и не = и...и». Ср.: *Комедия **не мудрая**, / Однако **и не глупая*** (Н. Некрасов).

Констатация некоего «среднего качества» достигается параллельным употреблением *не* при словах-антонимах. Ср.: *Я **не худший и не лучший**, / Что погибну на войне...* (А. Твардовский); *Остался самый обычный, серый человек, **не плохой и не хороший**, так себе, в общем* (Т. Устинова). При таком типе отрицания отрицается не само качество (наличие данного качества), а лишь достаточная степень его проявления. Отрицание является не полным, а лишь частичным: в предложении говорится не о полном, а лишь о частичном отсутствии названного признака, а равно и о неполном, а лишь частичном наличии противоположного признака. Исходя из этого, отрицание, реализуемое в данном типе предложений, может быть охарактеризовано как неполное, ограниченное отрицание с утверждением промежуточного («среднего») качества. Значения предельного, элиминирующего отрицания в этом случае в конструкции уже нет.

Сфера обозначения качества – это область, где наиболее тесно соприкасаются отрицание и противопоставление грамматическое (синтаксическое) и лексическое (семантическое). Отрицание в сочетании с предикатными словами качественной семантики не является полным (абсолютным, чистым) отрицанием, оно содержит в себе элементы позитивной характеристики предмета речи – вплоть до указания на наличие антонимически противоположного качества.

К числу высказываний, репрезентирующих неполное (ослабленное) утверждение и отрицание, мы относим два типа конструкций, которые дифференцируются на основании объективной или субъективной (модальной) природы феномена ослабления утверждаемого или отрицаемого: 1) предложения с наречиями *почти, едва, еле (еле-еле), чуть* и их коррелятами с

не: *чуть не*, *чуть ли не*, *чуть было не*; *едва не*, *едва ли не* и 2) предложения, включающие вводно-модальные слова – показатели гипотетической модальности. Анализируемые высказывания могут дифференцироваться соответственно как (1) сообщения, репрезентирующие неполное (ограниченное) утверждение и отрицание, и (2) сообщения, содержащие модально ослабленное утверждение/отрицание.

Ограничение утверждения и отрицания – отражение «онтологии» явления, а именно степени проявления действия, состояния, признака – в конечном счете, степени проявления бытия/небытия как отражению диалектики соотношения бытия/небытия в онтологических процессах. «Модальное» ослабление утверждения и отрицания имеет характер снижения степени категоричности утверждения, идущего от говорящего и отражающего степень его уверенности в сообщаемом.

Предложения, в состав которых входят градуальные операторы – наречия *почти*, *чуть*, *едва*, *еле* (*еле-еле*) и образованные на их базе частицы с *не*, как правило, находятся вне поля зрения грамматистов, которые не усматривают в них никакого противоречия. Утверждение и отрицание, реализуемое в данных построениях, можно отнести к типу ограниченного, неполного, имплицитного представления о зеркально противоположной ситуации. Этим обуславливается семантическая двуплановость данных высказываний в отношении утвердительности/отрицательности заключенного в них содержания.

Денотатом высказывания, предметом отображения в конструкциях рассматриваемого типа является некая пограничная ситуация между *P* и не-*P*, представленная в форме утвердительного (1) или отрицательного (2) предложения, ср: (1) *Левинсон почти потерял связь с другими отрядами оттого, что забрался в глухое место* (А. Фадеев); *Едва касались мы до чаши наслаждения, / Но юных сил мы тем не сберегли...* (М. Лермонтов); [П о э т :] *Прибавь: хандрит и еле дышит – / И будет мой портрет готов* (Н. Некрасов); ... *Огонь мой чуть горит...* (И. Крылов); (2) *Мы почти не общаемся; Я его почти не вижу; Но, проехдив несколько лет, братья однажды чуть ножами не порезались – и разошлись от греха* (И. Бунин); *Мы чуть было не поссорились.*

Ослабление (ограничение) утверждения или отрицания всегда связано со сложным взаимодействием противоположных смыслов в семантической структуре высказывания и сопряжено с наличием в его семантике признаков полярного типа, что способствует двуплановости содержания высказываемого по признаку утвердительности/отрицательности. Важно и то, что выражения без *не* (*едва P*, *еле P*) синонимичны выражениям с *не* (*почти не*), и наоборот, поскольку *почти не* в смысловом отношении эквивалентно *едва*, *чуть*, *еле*: ... *И ветер ласковый и сонный / Едва колеблет паруса...* (Н. Некрасов). Ср.: ... *почти не колеблет; Ноги босы, грязно тело, / И едва прикрыта грудь* (Н. Некрасов). Ср.: *Почти не прикрыта.*

«Модально ослабленное» утверждение и отрицание выражается в конструкциях, включающих в свой состав «операторы гипотетической

модальности» – вводно-модальные слова типа *вероятно* и модальные («модально-предположительные») частицы типа *чай, авось, небось, никак, как бы, (как) будто (бы), словно (бы), вроде (бы)* и некот. др.: *Быть может, чувствий пыл старинный / Им на минуту овладел...* (А. Пушкин); *Так, видно, небом суждено...* (А. Пушкин); *Говорит старик своей старухе: «Здравствуй, барыня сударыня дворянка! Чай, теперь твоя душенька довольна»* (А. Пушкин); *Моя поэзия здесь больше не нужна, / Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен* (С. Есенин); *Он нашел работу, где неплохо платили, встретил будущую жену и, кажется, полюбил ее, что ли...* (Т. Устинова); *Никогда, никогда не жила Нина в раю, разве что в ранней молодости* (Л. Улицкая).

Высказывания данного типа имеют сложную семантическую структуру, в которой сосуществуют и семантически взаимодействуют противоположно направленные компоненты, поскольку «возможно *P*» со всей неизбежностью предполагает обратное – «возможно не-*P*». Указание на возможность обратного тому, что представлено на поверхностном уровне высказывания, содержится в семантике высказываемого в качестве имплицитного созначения, ср.: *Он, может быть, согласится на это предложение (а может быть, не согласится); Он, наверное, не согласится на это предложение (а может быть, и согласится); Он, может быть, (не) придет* = ‘может быть, придет, может быть, не придет’. Предложения, выражающие ослабленное утверждение и отрицание, четко и недвусмысленно противопоставленные по своим грамматическим признакам, уже не столь четко противопоставлены друг другу в содержательном отношении и оказываются приближенными друг к другу (синонимизируются). При семантическом разложении смысл предположительного высказывания может быть представлен как синтез двух пропозиций, одна из которых соответствует грамматически положительному, а другая – грамматически отрицательному предложению. Этим определяется промежуточное (неопределенное) положение конструкций данного типа на семантической оси «утверждение/отрицание».

В сфере модальных отношений предложения простое бинарное противопоставление «утверждение/отрицание» приобретает усложненный характер. «Полное» утверждение и отрицание как точки, наиболее удаленные друг от друга на семантической шкале утверждения/отрицания, связываются между собой через значения «слабого» утверждения и «слабого» отрицания. На линии, соединяющей эти два полюса, размещается большое количество переходных звеньев, отражающих различное соотношение противоположных смыслов в семантической структуре высказывания.

В контексте общего грамматического исследования предложение, включающее операторы гипотетической модальности, не меняет своего «в целом» утвердительного или отрицательного характера. Субъективно-модальные значения в качестве надстроечного элемента лишь наслаиваются на выраженное в предложении утверждение или отрицание, определяемое положительно или отрицательно подлежащно-сказуемостной связи (предикативных отношений). С точки зрения смысловых отношений, реализуемых в предложении, содержательная сторона гипотетического

высказывания не сводится ни к прямому (полному) утверждению, ни к прямому (полному) отрицанию, представляя собой синтез этих значений.

Значение сомнения выражается в повествовательных предложениях, включающих в свой состав субъективно-модальные частицы *вряд ли* (*вряд, навряд, навряд ли*) и *едва ли*. Ср.: *И точно, такую панораму **вряд ли** где удастся мне видеть* (М. Лермонтов); *Душою мы друг другу чужды, / Да **вряд ли** есть родство души* (М. Лермонтов); *Но луч луны, по влаге зыбкой / Слегка играющий порой, / **Едва ль** сравнится с той улыбкой, / Как жизнь, как молодость, живой* (М. Лермонтов).

В предложениях с частицами *вряд ли* и *едва ли* высказывается предположение об отсутствии обозначенного в предложении явления, мнение о невозможности его наличия (бытия, существования) в объективной действительности: ***Вряд ли** вам удастся вызвать его на разговор, слишком уж он недоверчив; Остатков зарплаты **едва ли** хватит до конца месяца; **Вряд ли** это можно воспринимать всерьез* ('По-видимому, не удастся'; '... не хватит'; '... нельзя') и т.п.

Сомнение как частная модификация семантики предположения составляет периферию предположительной модальности и относится к категории смыслов, смежных с полным, сопряженным с уверенностью отрицанием. Это значение, предельно близкое к «обратной констатации», балансирующее на стыке разных типов модальности и типов иллокуции. Сомнение относится к тем типам речевых актов, конечной целью которых является реализация отрицания как негативной оценки реальности того, что обозначено структурой предложения.

Значение согласия/несогласия – неотъемлемая часть системы значений категории утверждения/отрицания, область ее коммуникативно-прагматических функций.

В работах исследователей отмечается тесная связь категории согласия/несогласия с категорией модальности. Однако не менее тесно категория согласия/несогласия связана и с категорией утверждения/отрицания. В нашем исследовании принято т. наз. «широкое» понимание утверждения/отрицания, в соответствии с которым оппозиция «согласие/несогласие» функционирует как частная оппозиция внутри общей оппозиции «утверждение/отрицание». Согласие/несогласие – это модально-квалифицирующие значения категории утверждения/отрицания, относящиеся к ярусу прагматических значений данной категории. Оценка истинности/ложности высказываемого (мысли о действительности) – прямая функция категории утверждения/отрицания, рассматриваемой в аспекте ее прагматических функций.

В сфере выражения согласия/несогласия обнаруживается своеобразие функционирования категории утверждения/отрицания как категории прагматического типа, находящей свое выражение в условиях коммуникативного взаимодействия двух реплик. Положительный или отрицательный смысл диалогических реплик с общим значением согласия/несогласия является результатом семантического взаимодействия

двух самостоятельных синтаксических единиц и определяется не грамматическим оформлением предложения, а характером его соотношения с инициальной репликой.

Ответ-подтверждение воспроизводит исходную пропозицию *P* или не-*P* со знаком положительной оценки ее истинностного значения ('Верно, что *P*/не-*P*'). Поэтому ответ-подтверждение исходной пропозиции *P* имеет форму грамматически утвердительного предложения, а ответ-подтверждение исходной пропозиции не-*P* – форму грамматически отрицательного предложения. Ср.: *Значит, Вы мне доверяете? – Да, доверяю. – Значит, Вы мне не доверяете? – Да, не доверяю (Нет, не доверяю)*. Таким образом, в сфере выражения согласия/несогласия ответ-подтверждение может иметь форму грамматически отрицательного предложения: – *Вы так не думаете? – Нет, не думаю*. Ср. следующие примеры:

(1) *Мужик, казалось, затруднился сим вопросом:*

– *Что ж, не знаешь?*

– *Нет, барин, не знаю* (Н. Гоголь);

(2) – *Но ведь ты не жалеешь о том, что добро делал?*

– *Не жалею, – отвечал он со вздохом, – только вот умираю я теперь* (И. Тургенев).

С другой стороны, наблюдается обратное явление: положительное высказывание при соотнесении с содержанием исходной отрицательной реплики функционирует как ответ-опровержение, т.е. разновидность отрицательного ответа: *Так ты там не был? – (Нет), я там был*. Ср.: *Он – вечный обличитель лжи, запрятавшейся в поговорку: «Один в поле не воин». Нет, воин, если он Чацкий, и притом победитель, но передовой воин, застрельщик и – всегда жертва* (И. Гончаров);

– *Но вы же не пенсионер, вам рано в гардеробную.*

– *Я – пенсионер. Только много работающий* (Собеседник. 2010. № 46);

Что это такое (ДЦП. – А.К.), врач объяснил просто: «Ваши дети никогда не будут ходить». <...> *В общем, это даже к лучшему, что Юля тогда не поняла, какой диагноз поставил ее девочкам врач. Она уставилась на него своими серыми глазами и сказала очень отчетливо: «Мои дети будут ходить!»* (Собеседник. 2007. № 45).

По законам прагматического отрицания в сфере выражения согласия/несогласия функционируют и «маркеры согласия/несогласия» – слова-предложения «да», «нет». Слова «да» или «нет», стоящие в начале ответного высказывания со значением подтверждения или опровержения, относятся к содержанию чужого (исходного) высказывания. Этим объясняется возможная рассогласованность показателей внешнего и внутреннего утверждения/отрицания в репликах подтверждения/опровержения. Ср.: *Да, я не видел этого спектакля; Нет, я видел этот спектакль*. Ср. также: *Ничего же не происходит!.. – Да, не происходит* (Т. Устинова);

– *Я слышала, что многие не верят, когда вы говорите, что до сих пор не обзавелись собственной квартирой. ...Ведь у вас высокие гонорары...*

– *Не верят, да...* (Комсомольская правда. 07–14. 07.2011).

В ответно-модальных высказываниях могут вступать в противоречие утверждение/отрицание как компонент пропозиции и утверждение/отрицание как функция высказывания по отношению к другому высказыванию, что находит свое внешнее (поверхностное) выражение в конфликте грамматической формы утвердительной или отрицательной конструкции (и внутренне присущего ей значения) с ее употреблением в функции подтверждения или опровержения. Данное противоречие приобретает также вид конфликта между значением предложения, изолированного от контекста его употребления, и контекстуально обусловленным значением того же предложения.

Анализ прагматических функций категории утверждения/отрицания, проявляющихся в сфере значений согласия/несогласия, представляется необходимым при исследовании различных слоев информации, несомой высказыванием, в их взаимных корреляциях между собой, что неизбежно при анализе категории утверждения/отрицания с позиций многоаспектного подхода.

Во **второй главе** «Категория утверждения/отрицания в вопросительном предложении» рассматривается система коррелятивных отношений по признаку утвердительности/отрицательности в типе вопросительных предложений.

Для решения стоящих перед нами задач мы сочли необходимым рассмотрение следующих тесно взаимосвязанных проблем (все они являются дискуссионными):

1. Проблема присущности/неприсущности утверждения/отрицания типу вопросительных предложений, включающая в себя вопрос о совместимости значений вопроса и утверждения/отрицания.

2. Проблема специфики вопросительно-утвердительного и вопросительно-отрицательного значения (в сравнении с классом повествовательных предложений).

3. Вопрос о семантической соотносительности положительной и отрицательной форм вопросительного предложения в их соотношении с повествовательными коррелятами.

4. Проблема равнозначности утвердительной и отрицательной форм общевопросительного предложения.

5. Проблема значения отрицательной формы общего вопроса, предполагающая решение вопроса о том, возможно ли выражение отрицательного значения средствами вопросительного предложения.

При рассмотрении проблем языкового утверждения/отрицания в типе вопросительных предложений мы учитывали структурное и семантическое разнообразие типов вопросов. Под рубрикой «вопросительные предложения» в качестве трех основных разновидностей обычно объединяются собственно вопросы, вопросы-предположения и риторические вопросы. Мы также принимали во внимание их коммуникативные подтипы и коммуникативно-речевые модификации.

Проблема «вопрос и утверждение/отрицание» – одна из старейших проблем логики и лингвистики. До сих пор предметом острой полемики является вопрос о приложимости понятий «утверждение» и «отрицание» к классу вопросительных предложений. В зависимости от исследовательского подхода к интерпретации языковых фактов этот вопрос имеет диаметрально противоположное решение. Во многом это объясняется и тем, что термины «утверждение» и «отрицание» имеют разный, не вполне совпадающий смысл в различных понятийных системах, в частности, в логической и лингвистической семантике, с одной стороны, и в теории грамматики, с другой стороны.

Утверждение и отрицание в том их понимании, которое принято в работах по логической и лингвистической семантике, несовместимы с семантикой вопроса. Однако утверждение/отрицание и вопросительное предложение, понимаемые в соответствии с тем, как это принято в работах по синтаксису, вполне совместимые понятия. Принимая во внимание нетождественность понятий «вопрос» и «вопросительное предложение», следует признать, что вопросительные предложения (не вопросы!) могут содержать утверждение и отрицание (= утвердительное или отрицательное суждение) и в логическом понимании этих терминов. Утверждение/отрицание, рассматриваемое в соответствии с логической традицией понимания данной категории, вполне возможно в отдельных разновидностях вопросительных предложений, но это предложения, которые «подлинными», «истинными» вопросами уже не являются и содержат в себе сообщение или его элементы. Речь идет о риторических вопросах, имеющих внешнюю форму вопроса, но, как и повествовательные предложения, служащих для выражения логического суждения (сообщения).

Содержательная сторона отношений, охватываемых оппозицией «утверждение/отрицание», в вопросительном предложении несводима к содержанию этих отношений в типе повествовательных предложений, поскольку в вопросительном предложении эти отношения реализуются на принципиально иной семантической основе, нежели в повествовательном предложении. Этим обусловлен особый характер функционирования утвердительных и отрицательных форм вопроса и характер их взаимоотношений в рамках корреляции по признаку «утвердительность/отрицательность».

Своеобразие «вопросительного» утверждения и отрицания, его отличие от «повествовательного» утверждения и отрицания наиболее ярко проявляется в общевопросительных предложениях. Поэтому исследование «вопросительного» утверждения и отрицания, как правило, осуществляется на материале общевопросительных предложений, что представляется вполне обоснованным.

В вопросительных предложениях (общих вопросах) нарушается семантическая соотносительность утвердительных и отрицательных форм: вопросительные предложения с отрицанием и вопросительные предложения без отрицания нередко рассматриваются исследователями как равнозначные. Такого рода соотношение наблюдается в составе коррелятивной пары «Вы

заходили ко мне сегодня? – Вы не заходили ко мне сегодня?» (пример И.П. Распопова).

Проблему равнозначности утвердительной и отрицательной форм вопросительного предложения следует рассматривать в единстве с оппозицией «собственно вопрос/вопрос-предположение («вопрос с гипотезой»)». Эквивалентность утвердительной и отрицательной форм «чистого» вопроса объясняется тем, что общий вопрос может быть истолкован как неразвернутый альтернативный (дизъюнктивный) вопрос (О. Есперсен, Г. Фреге, И.М. Кобозева и др.), в котором в виде альтернативы представлены отрицающие друг друга пропозиции: '***Р*** или ***не-Р?***'. Ср.: *Он пришел?* = '*Он пришел или нет?*' = '*Он пришел или он не пришел?*'. Противоположная альтернатива не всегда получает выражение в структуре предложения, но она всегда подразумевается: *Он уже сдал экзамен (или нет?)* – *Он еще не сдал экзамен (или уже сдал)?* Поэтому как в утвердительной, так и в отрицательной форме собственно вопроса заключается одно и то же логическое содержание.

«Чистый» общий вопрос имеет преимущественно положительную форму. В утвердительном по форме вопросе эксплицитно представлена лишь положительная альтернатива, однако в свернутом, имплицитном виде содержится и противоположная ей альтернатива ('или нет?'). Ср.: *А вы бы переехали жить в Сибирь?* (Собеседник. 2007. № 25) = '*А вы бы переехали жить в Сибирь или нет?*'

В соответствии с положениями современной (трехзначной) логики, мы определяем статус предложений-вопросов – собственно вопросительных предложений, содержащих общий вопрос, – как область семантической неопределенности в отношении к утверждению/отрицанию. В нашем понимании, в семантике общего вопроса полярные значения уравнивают, но не погашают друг друга, поэтому мы не склонны трактовать данное явление как нейтрализацию значений утверждения и отрицания в семантике общевопросительного предложения без вопросительных частиц. Происходит не нейтрализация и снятие оппозиции «утверждение/отрицание», а слияние двух видов (типов) информации, двух типов значений (отношения «*ни...ни* = *и...и*». – Э. Сэпир).

В вопросительно-предположительных предложениях наряду с вопросом содержится позитивное или негативное предположение. Говорящий высказывает предположение о наличии или отсутствии того, о чем идет речь в предложении, но не вполне уверен в правильности своей гипотезы. Общие вопросы, осложненные выражением позитивного или негативного предположения, на семантической шкале утверждения/отрицания занимают, соответственно, области «слабого» утверждения и «слабого» отрицания. Ср.: [Хлестаков:] ... *А больные выздоровели? Там их, кажется, немного* (Н. Гоголь). В данном вопросе в качестве более вероятной представлена положительная альтернатива 'больные выздоровели' (= 'По-видимому, больные выздоровели, так как их немного').

Отрицательная форма вопроса (вопросы с *не*) в большинстве случаев используется для выражения позитивного предположения. Ср.: *Мы с вами не*

встречались?; Вы не ошиблись адресом?; Простуды не чувствуете? (М. Булгаков); *А не слышали ли вы, что сделалось с Казбичем?* – спросил я (М. Лермонтов). При выражении обратного предположения отрицательный по форме вопрос не выражает отрицательного значения и семантически сближается с предположительным вопросом, имеющим форму грамматически утвердительного предложения: *Простуды не чувствуете?* = ‘Может быть, чувствуете простуду?’.

Явления синкретизма в оппозиции «утверждение/отрицание» дополняются в данном случае функциональным синкретизмом. Предложения, характеризующиеся как синкретичные по признаку утвердительности/отрицательности, одновременно совмещают признаки двух функциональных типов предложений – вопросительных (запрашивающих информацию) и повествовательных (информирующих). В вопросах-предположениях, наряду с вопросом, в той или иной мере содержится и элемент суждения (сообщения) и связанного с ним утверждения.

Если собственно вопрос не содержит в себе ни утверждения, ни отрицания (в логическом понимании этих терминов), то риторический вопрос, будучи формой выражения суждения, так же неотделим от понятий «утверждение» и «отрицание», как и суждение, для выражения которого он предназначен.

Риторический вопрос объединяет в себе противоречия двоякого рода. Являясь вопросом лишь по форме, риторический вопрос заключает в себе сообщение. Однако семантическая характеристика риторического вопроса будет неполной, если не будет указано на еще одно характерное для этого типа предложений противоречие между формой (структурой) и содержанием (семантикой), состоящее в асимметрии формы и содержания по признаку утвердительности/отрицательности: отрицательная форма риторического вопроса заключает в себе утвердительное, а утвердительная – отрицательное суждение (сообщение). Взаимный переход утверждения в отрицание составляет важнейшую семантическую особенность предложений, содержащих риторический вопрос. С учетом данной особенности мы дифференцируем:

1) утвердительные по форме риторические вопросы, содержащие отрицательное суждение (сообщение): *Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!* (Н. Гоголь) (‘не найдутся’);

2) отрицательные по грамматической форме вопросы, содержащие утвердительное суждение (сообщение): *Ах, подарки! Чего не сделает женщина за цветную тряпочку!..* (М. Лермонтов) (‘все сделает’).

В плане смысловой организации риторические вопросы – это предложения, в которых диалектически слились утверждение и отрицание. В каждом риторическом вопросе заключены два коррелирующих по смыслу суждения-антипода: утвердительное и отрицательное, две пропозиции – одна утверждаемая (как истинная), другая отрицаемая (как ложная); утверждается что-либо в риторическом вопросе не иначе, как через отрицание логически противоположного. Ср.: *Как можно не любить любезных? / Как райских благ*

не пожелать? (А. Пушкин). Говорящий отвергает как ложное утверждение ‘можно не любить любезных’, благодаря чему достигается фактическое утверждение ‘нельзя не любить’ = ‘следует любить’. Отрицается (= отвергается говорящим) тот смысл, который сопряжен с прямым, буквальным значением вопросительной структуры.

В нашей работе дифференцируются «канонические», или «собственно риторические», и «экспрессивно-отрицательные вопросы». Под термином «экспрессивно-отрицательные вопросы» мы объединяем разнообразные в структурном и семантическом отношении конструкции диалогической разговорной речи, выражающие широкий спектр субъективно-оценочных значений, связанных с негативным отношением говорящего к предмету речи, типа *О чем тут думать?* (‘не о чем думать’); *Чему тут радоваться?* (‘нечему радоваться’); *Какой тут смех?* (‘не над чем смеяться’); *Зачем тебе это нужно?* (‘совсем не нужно’); *Какой он учитель?!* (‘никакой он не учитель’); *Где ему учиться!* (‘не сможет учиться’). Ср. также: *Как, с вашим сердцем и умом, / Быть чувства мелкого рабом?* (А. Пушкин); *Всю жизнь служить в «Пароходстве»? Да вы смеетесь!* (М. Булгаков); *Тебе покорной? / Ты сошел с ума! / Покорна я одной господней воле* (А. Ахматова) и под. В нашей работе данные конструкции рассматриваются под определенным углом зрения – как носители спектра смыслов, связываемых с понятием «отрицание».

Канонические риторические вопросы и экспрессивно-отрицательные вопросы едины в плане общих черт семантического устройства (асимметрия формы и содержания по параметру «утвердительность/отрицательность»), но отличаются характером актуальной семантической информации (коммуникативным устройством), а также ролью в процессе коммуникации. Актуальная значимость и смысловой вес компонентов ‘утверждение’ и ‘отрицание’ в этих типах риторических вопросов принципиально не совпадают.

Для «канонических» риторических вопросов характерна направленность на выражение развернутого суждения-сообщения («утверждения»), что может быть представлено как общая позитивная направленность собственно риторического вопроса. В экспрессивно-отрицательных вопросах происходит смещение смысловых акцентов в сторону негативно-оценочных созначений.

Экспрессивно-отрицательные вопросы характеризуются отсутствием сколько-либо значительной позитивной информации и зачастую не содержат развернутого сообщения (пропозиции). Назначение экспрессивно-отрицательного вопроса – выражение полемически заостренного отрицания: отклонение чужого высказывания, негативная эмоционально-оценочная реакция говорящего на то или иное событие дискурса. В этом проявляется общая негативная направленность экспрессивно-отрицательных вопросов. Отрицание, называемое экспрессивным, – это и непосредственная задача высказывания, его целостная направленность.

Таким образом, оппозиция «утверждение/отрицание» в типе вопросительных предложений затрагивает области значений категории модальности и категории коммуникативной целеустановки и отражает взаимодействие и взаимные корреляции значений всех трех указанных

категорий. Колебания на оси «утверждение/отрицание» тесно взаимосвязаны с колебаниями на оси модальности и изменением коммуникативного статуса (функционального назначения) высказывания – переходом в область семантики и функций повествовательных предложений.

Проблема «вопросительности» и утверждения/отрицания пересекается с проблемой употребления вопросительного предложения во вторичных функциях – функциях сообщения или побуждения. Утверждение или отрицание как элемент мысли-сообщения присуще вопросам, которые «подлинными» или «чистыми» вопросами уже не являются. В них совмещены значения вопроса и сообщения, т.е. они являются синкретичными, вопросительно-повествовательными предложениями. Так, риторический вопрос лишь по форме является вопросительным предложением, по значению же он соответствует утвердительному или отрицательному повествовательному предложению. Предположительный вопрос уже не является «чистым» вопросом: наряду с вопросом о неизвестном, он содержит элемент сообщения и связанный с ним «элемент утверждения».

К числу особенностей вопросительных предложений в плане выражения значений утверждения и отрицания можно отнести нестандартное («обратное») соотношение формы (конструктивно-грамматических особенностей) предложения и его семантики: положительная форма риторического вопроса включает в себе отрицательное содержание, отрицательная форма риторического вопроса – положительное содержание. Асимметрия формы и значения при выражении утверждения и отрицания – характерная особенность не только риторических вопросов, но и значительной части вопросительно-предположительных предложений (вопросы с *не*, содержащие позитивное предположение).

Утверждение и отрицание являются компонентами объективно-логической, модальной и коммуникативной семантики вопросительного предложения. Так, утверждение, высказываемое в риторическом вопросе, подводится под тип «сообщение», но при этом оно составляет содержание речевого акта утверждения и может рассматриваться как самостоятельная цель высказывания в акте коммуникации – высказывание утверждения. Экспрессивное отрицание, как выражение негативно-оценочной реакции несогласия, возражения, составляет содержание одноименного речевого акта (РА возражения), осуществляющегося с помощью экспрессивно-отрицательных вопросов.

Третья глава «Категория утверждения/отрицания в побудительном предложении» посвящена особенностям корреляции по признаку утвердительности/отрицательности в типе побудительных предложений.

Как и другие функциональные типы предложений, класс побудительных предложений делится на два подкласса по признаку утвердительности/отрицательности. Это деление прослеживается не только на уровне формально-грамматической организации высказывания, но и на уровне его семантики. Черты индивидуального семантического своеобразия данной оппозиции в условиях побудительной семантики дают возможность подхода к

ее рассмотрению не только в рамках дихотомического противопоставления «повествовательные/неповествовательные предложения», но и в рамках противопоставления «побудительные (директивные)/непобудительные (недирективные)» высказывания.

Анализ функционирования категории утверждения/отрицания в условиях побудительной семантики предполагает обсуждение целого ряда проблем общетеоретического характера, к числу которых мы относим:

1) вопрос о возможности распространения отношений, реализуемых в рамках оппозиции «утверждение/отрицание», на класс побудительных предложений;

2) вопрос о характере корреляции по признаку утвердительности/отрицательности в побудительных предложениях по сравнению с повествовательными предложениями как базовой моделью и о специфике функционирования категории утверждения/отрицания в семантической плоскости побуждения к действию (в случае положительного решения первого вопроса);

3) проблема семантической обособленности отрицательно-побудительных (побудительно-отрицательных) предложений, связанная с проблемой сущности побудительно-отрицательного значения;

4) проблема классификации побудительных предложений с учетом положительности/отрицательности их формы и содержания и некот. др.

Мы исходим из того, что к побудительным предложениям вполне приложима характеристика по принципу положительности/отрицательности как формы, так и выражаемого при этом содержания. Противопоставление положительных и отрицательных императивных высказываний укладывается в наиболее общую семантическую оппозицию по признаку положительности/отрицательности содержательной стороны высказываемого, включая положительную/отрицательную направленность акта побуждения (волеизъявления). В семантике побудительных высказываний отображается волевая устремленность на осуществление определенных изменений в мире объективной действительности. По отношению к миру реальности эти изменения всегда направлены на то, чтобы изменить существующее положение дел P или не- P на нечто противоположное. В наиболее общем виде направление изменения имеет вид «от P к не- P » либо «от не- P к P ».

В соответствии с типовой семантикой императивности оппозиция «утверждение/отрицание» в типе побудительных высказываний находит свое семантическое проявление в виде частной оппозиции «побуждение/запрещение», что соответствует традиционному подходу к решению данного вопроса.

Принимая традиционную точку зрения, отметим, что она не лишена ряда противоречий. Согласно данной точке зрения, побудительно-отрицательные значения составляют семантически обособившуюся область, представленную значениями запрещения (прохибитив) и предостережения (превентив). При этом зона семантически обособившихся отрицательных значений исчерпывается лишь двумя указанными подтипами.

В семантических исследованиях запрещение описывается как «самостоятельное значение в системе других побудительных значений» в отрыве от общей оппозиции «утверждение/отрицание». Известны многочисленные варианты классификации оттенков (разновидностей) побуждения, где запрещение (запрет) и предостережение стоят в одном ряду с традиционно выделяемыми подтипами побуждения, такими, как просьба, совет, приказ и т.д.

Вывод, который можно сделать на основании изучения истории вопроса, состоит в том, что и в грамматических (шире – традиционных), и в семантических исследованиях принято описание семантики запрета вне какой-либо связи с оппозицией «утверждение/отрицание». Система коррелятивных отношений, реализуемых в рамках оппозиции «утверждение/отрицание», как бы не распространяется на этот тип предложений или распространяется непоследовательно. Сложность проблемы заключается и в неоднозначности термина «запрещение». Таким образом, при рассмотрении проблем утверждения/отрицания в типе побудительных высказываний с позиций многоаспектного подхода на роль главной выдвигается проблема распространения дихотомического деления по признаку утвердительности/отрицательности на класс побудительных предложений.

Наша классификация строится как система грамматических, семантических и прагматических оппозиций побудительных высказываний в соответствии с критерием «утвердительность/отрицательность». Семантико-прагматический подход к анализу системы положительных и отрицательных побудительных высказываний реализуется в нашей работе в разграничении прохибитивной (фактитивной) и пермиссивной интерпретации запрещения (в разграничении фактитивных и пермиссивных значений императивных высказываний мы следуем за В.С. Храковским и А.П. Володиным).

При построении классификации побудительных предложений по отношению к оппозиции «утверждение/отрицание» представляется необходимым ввести дифференциацию понятий, связываемых с термином «запрещение» как представителем зоны отрицательных значений в сфере побудительной речи: 1) «побуждение с отрицанием», императивная конструкция с отрицанием; 2) отрицательный коррелят приказа, «приказ с отрицанием»; 3) отрицательный коррелят разрешения. Размежевание разных значений данного понятия соответствует разграничению зон грамматики, семантики и прагматики в сфере императивного утверждения/отрицания.

Согласно грамматической традиции, запрещение – отрицательный коррелят в составе оппозиции «побуждение/запрещение». «Запрещение» как тип грамматического значения охватывает весь подкласс отрицательных побудительных высказываний.

В соответствии с семантической интерпретацией данного понятия (А. Вежицка и др.) запрещение противопоставляется не всему подклассу положительных побудительных высказываний, а рассматривается как отрицательный коррелят приказа – одной из частных разновидностей в ряду других подтипов побуждения. С этой точки зрения, далеко не каждое из

отрицательно оформленных побудительных высказываний интерпретируется как запрещение. Просьба, совет, рекомендация, призыв, уговаривание, увещание и др., имеющие форму негативного побудительного высказывания, не входят в разряд запретительных, оставаясь в пределах своих семантических разрядов, невзирая на наличие отрицания в их структуре. В качестве индикатора семантики запрета можно использовать подстановку маркера запрещения – перформатива *запрещать*, т.е. ‘запрещаю *P*’. Ср.: (1) – *Не ходите сюда!* – приказала ей Марина сквозь лед в горле, – там подождите (Т. Устинова); (2) *Не ходите, дети, в Африку гулять...* (К. Чуковский). Высказывание (2) не имеет необходимой степени категоричности для подведения его под рубрику запретительных высказываний и может быть квалифицировано как «призыв» – призыв не совершать действие, обозначенное формой императива. В результате в семантических классификациях запретительные конструкции оказались семантически изолированными и в известной степени противопоставленными другим типам побудительно-отрицательных конструкций (просьба с отрицанием, совет с отрицанием, мольба с отрицанием и др.).

Запрещение как представитель зоны отрицательных значений в сфере побудительной семантики имеет инвариантное значение «побуждение к неосуществлению действия» (*запрещаю* = ‘побуждаю не делать *P*’) (этим типом значения охватываются все без исключения отрицательные побудительные предложения). Специфическое семантическое содержание запрета как отрицательного коррелята приказа соответствует описанию «Запрещаю делать *P*» и может быть конкретизировано включением в состав толкования указания на категоричность требуемого – «Требую прекратить *P*», поскольку запрет – побуждение к прекращению действия, сопряженное с категоричностью требуемого. В итоге (перлокутивный эффект директивного акта) это действие обязательно должно быть прекращено.

Это значение допускает две семантические интерпретации: призыв воздержаться от осуществления прогнозируемого говорящим, но в реальной действительности отсутствующего действия, либо побуждение к прекращению уже реально совершающегося действия – «запрет-превентив» и «запрет-прохибитив». Разграничение указанных вариантов (семантических интерпретаций) запрещения производится с опорой на контекст и конситуацию. Не совершающееся действие должно быть предотвращено, а совершающееся – прекращено.

Наиболее органичной для запрещения, по нашему мнению, является второй вариант – «запрет-прохибитив», семантически интерпретируемый как побуждение к прекращению уже осуществляющегося действия и допускающий истолкование с помощью метаязыковых выражений «Требую (приказываю) прекратить *P*» и «Запрещаю продолжать *P*». Это эталонный образец, реализующийся в типичной для данного вида прескрипции ситуации, – в условиях реального, очного диалога. Превентивная интерпретация распространяется, главным образом, на запреты, не имеющие конкретного адресата. Ср.: *Не курить!*; *Не сорить!*; *Дверью не хлопать!* и т.п.

В семантических исследованиях запрещение рассматривается как отрицательный коррелят не только приказа, но и разрешения и входит в состав двух семантических оппозиций: «приказ/запрет» и «разрешение/запрещение».

Область значений, реализуемых в рамках оппозиции «разрешение/запрещение» (сфера пермиссивных значений побудительных высказываний), мы рассматриваем как зону прагматически обусловленных значений императивных конструкций с отрицанием и без отрицания. Эти значения реализуются в ответных репликах диалога, которым в обязательном порядке должна предшествовать просьба о разрешении, исходящая от исполнителя действия, ср.:

– ... *Я допью это?*

– *Пей*, – *разрешил* *дети*на (В. Шукшин).

Это область не инициативного, а реагирующего побуждения, реализующегося в составе т. наз. ответно-побудительных высказываний. Говорящий не выступает в качестве инициатора начала действия и не является инициатором его прекращения. Миссия говорящего заключается в изъяснении согласия или несогласия с намерением адресата начать, продолжить или закончить (прекратить) действие.

При выражении запрещения и разрешения нет строго однозначного соответствия между положительностью/отрицательностью конструкции и ее функционированием в качестве реплики разрешения или запрещения. Положительная конструкция интерпретируется как разрешение или запрещение в зависимости от положительности/отрицательности исходной реплики – просьбы о начале, продолжении или прекращении действия. В качестве ответа на просьбу об осуществлении действия положительная конструкция имеет смысл разрешения. Ср.: *Можно, я возьму твою книгу?* – *Возьми!* (= ‘можно’). Однако при выражении отказа на просьбу о неосуществлении действия положительная конструкция имеет смысл запрещения. В таком случае она обычно предваряется «словом общего отрицания» *нет*: Ср.: *Можно, я не пойду сегодня в школу?* – (*Нет*), *иди!* – запрещение (= ‘нельзя’).

Отрицательная конструкция может иметь смысл ‘запрещение’. Ср.: *Можно, я пойду погуляю?* – (*Нет*), *не ходи!* (= ‘нельзя’). Как ответ-согласие на просьбу о неосуществлении действия отрицательное высказывание функционирует в качестве реплики разрешения: *Можно, я не пойду сегодня в школу?* – *Не ходи* (= ‘можно’).

Таким образом, при выражении разрешения/запрещения (= неразрешения) реализуется та же модель отношений между высказываниями в составе диалогического единства, что и при выражении значений согласия/несогласия, понимаемых нами как область модальных, «да/нет»-значений категории утверждения/отрицания. Отношения, реализуемые в рамках оппозиции «разрешение/запрещение», переводятся в плоскость отношений между двумя высказываниями в составе диалогического единства. Показательно и то, что в отличие от прямых (инициальных) актов побуждения реплики разрешения/запрещения могут предваряться словами *да* или *нет*,

употребляемыми в качестве реплик согласия и несогласия, и их функциональными эквивалентами.

Затухание некоторых из базисных компонентов императивной семантики (значение волеизъявления ослаблено, говорящий не является каузатором действия) обуславливает положение данных конструкций на периферии класса побудительных высказываний, граничащей с областью модально-оценочных значений повествовательных предложений.

К периферии побудительных высказываний относятся и превентивные (предостерегательные) конструкции (*Не упади!; Не поскользнься!; Не простудись!; Смотри, не заблудись в лесу!* и под.). В области превентивных значений императивных конструкций оппозиция «утверждение/отрицание» представлена только отрицательным противочленом. Семантические особенности превентива позволяют отнести предостережение к разновидностям отрицательных значений, смежных с зоной отрицательных значений категории оптативности, – значениями нежелательности, опасения.

Важный момент характеристики «побудительного» утверждения и отрицания связан с функционированием конструкций с транспонированной формой императива.

Как и вопросительные предложения, побудительные предложения могут утрачивать побудительную целенаправленность, перемещаясь в область функций повествовательных предложений. В связи с проблематикой нашего исследования нами рассмотрены только «обратно-побудительные» высказывания, характеризующиеся конфликтным соотношением между формой и содержанием не только по признаку «побудительность/повествовательность», но и по признаку «утвердительность/отрицательность». Как правило, положительная форма побудительного предложения служит для выражения отрицательного содержания, ср., напр.: *Поговори* мне еще, так живо в моем желудке очутишься! (А. Чехов) (*поговори* = ‘замолчи!’); *Вот так вы понастроите разных пакостей, а потом за вас отдувайся!* (А. Чехов) (‘не желаю отдуваться’); *Толкуй* с дураком... (М. Горький) (‘нечего толковать’). В «обратно-побудительных» высказываниях наблюдается развитие отрицательно-оценочных значений, реализуемых в границах типа повествовательных предложений, с различной степенью выхода за пределы побудительной (императивной) семантики.

Развитие отрицательно-оценочного значения (семантики экспрессивного и иронического отрицания), утрата побудительной целенаправленности и транспонирование в область функций повествовательных предложений – процессы, глубоко взаимосвязанные, корреспондирующие друг с другом. Выражение адресованного волеизъявления сопровождается или заменяется выражением интеллектуально-логического, эмоционально-волевого и эмоционального отношения говорящего к действию, названному формой императива, в связи с чем побудительное значение предложения трансформируется в тип эмоционально-оценочного отношения к предмету высказывания.

Побудительное значение вытесняется отрицательно-оценочным полностью или частично, в связи с чем выражение отрицательно-оценочного значения может осуществляться как в границах типа побудительных предложений, так и с выходом за пределы семантики императивности в область отрицательно-оценочных значений повествовательного предложения. Учитывая степень ослабления побудительности, можно говорить о трех основных семантических типах «обратно-побудительных» высказываний:

1. Предложения, в целом сохраняющие побудительную целенаправленность и в форме побудительно-утвердительного предложения реализующие значение запрещения. В предложениях этого вида смысл выражаемого побуждения меняется на противоположный: *Только тронь!; Заплачь тут у меня!; Поговори мне еще!; Подойди только!* и т.д.

2. Предложения, частично утрачивающие побудительную целенаправленность и совмещающие побудительно-отрицательное (запретительное) и отрицательно-оценочное значение. В предложениях данной разновидности сохраняется элемент волеизъявления, направленного на неосуществление действия: *Слушай его больше – он еще и не такое расскажет!*

3. Предложения, полностью утратившие побудительную целенаправленность и служащие для выражения экспрессивно-отрицательного значения: *Путают, путают, а я распутывай!* В предложениях данного типа побудительная целеустановка полностью замещается установкой на выражение экспрессивного отрицания.

К первому типу можно отнести предложения со значением угрозы. Ко второму – высказывания, содержащие ироническое побуждение. К третьему – предложения со значением вынужденной необходимости (по Н.Ю. Шведовой, «вынужденного долженствования»).

Значение угрозы обычно реализуется в предложениях со сказуемым – глаголом совершенного вида: [Подхалюзин:] ... *Поговоришь, так и увидишь, за что. Вот пикни еще!* (А. Островский); – *Ну-ну! Разговаривай!* – закричал пекарь (М. Горький); *Но, чувствуя, что он нимало не боится отца, Яков уверенно смотрел в его угрюмые, злые глаза, точно говорил ему: «Ну-ка, тронь?!»* (М. Горький); *Разбуди меня еще раз посередь ночи, разбуди, я те разбужу!* (В. Шукшин); *Стоило ему оглянуться, как его хлестали вожжой по потному боку и раздавался все один и тот угрожающий окрик: «Но-но, оглядывайся у меня!»* (К. Паустовский). Значение предложений, содержащих угрозу в адрес собеседника, прочитывается в речи как запретительное. На фоне семантики запрета проступает отрицательно-оценочное значение – негативная оценка действия, совершаемого адресатом.

В конструкциях, содержащих ироническое побуждение, обычно употребляются формы повелительного наклонения глаголов несовершенного вида: – *Да, начинай сцены, начинай* ... (А. Чехов); – *Ну, как же, жди... Знаю я его...* (М. Горький); – *Иди, иди – покажись в деревне. Тебе же не терпится, я же вижу. Смеяться ведь будут!..* (В. Шукшин). Позиция говорящего – выражение негативного отношения к действию или намерению собеседника, а

также дискредитация лежащей в их основе мысли о целесообразности, полезности, необходимости действия, которая приписывается исполнителю действия – адресату высказывания. Таким образом, действие, обозначенное формой императива, отрицается в плане его результата, ожидаемого следствия, ср.: [М и х а и л :] *Ты тут у меня **заплачь**, все тебя и пожалеют* (В. Розов) ('никто не пожалеет'). Расхождение формы и содержания заключается не столько в обратной направленности побуждения, сколько в характере выражаемой оценки: в форме поощрения, одобрения в предложении выражается осуждение, неодобрение говорящим действия, обозначенного формой повелительного наклонения глагола-сказуемого.

Предложения, полностью утратившие побудительную целенаправленность, служат средством выражения отрицательной оценочности. К данному виду относятся предложения с общим значением необходимости – долженствования – вынужденности. В предложениях данного типа отрицательной оценке подвергается логическое обоснование побуждения – мнение о необходимости осуществления действия, т.е. получает дальнейшее семантическое развитие сема долженствования, содержащаяся в семантической структуре категорических версий побуждения: [Т и ш к а :] ... *А у нас то туда, то сюда, целый день **шаркай** по мостовой как угорелый. Скоро руку набьешь, держи карман-то* (А. Островский); *Слезы повисли на ее глазах. Она рада бы оставить этих неутомимых странников, но куда и к кому она может уйти? У нее нет ни дома, ни родных. Хочешь не хочешь, а **сиди и слушай** разговоры* (А. Чехов); *А замужем баба – вечная раба: **жни да пряди**, за скотом **ходи** да детей **роди**...* (М. Горький). Предложения данной разновидности дают возможность представить ситуацию категорического побуждения с обратной стороны – с позиций адресата побуждения (он же исполнитель действия), т.е. тот ее аспект, который в прямо-побудительном высказывании остается «за кадром».

В рамках рассматриваемого типа мнимо-побудительных высказываний в качестве частной разновидности могут быть выделены предложения со значением **негативного отношения к чужому требованию**. Рассматриваемое явление может быть подведено также под понятие «цитатное употребление императива и императивных высказываний». Различие между предложениями со значением вынужденной необходимости и предложениями со значением отрицательного отношения к чужому требованию заключается в степени конкретности представления об отправителе побуждения. В предложениях со значением отрицательной оценки чужого повеления («цитатное употребление императива») в высказывании имеется прямое или косвенное указание на то лицо, по воле которого говорящий вынужден совершать нежелательное для себя действие. Отправитель побуждения устанавливается из контекста или пресуппозиции высказывания. Позиция говорящего – несогласие с требованием: «**Хватай!**»... – *дразнит Герасим. – командер какой нашелся... Шел бы да и хватал бы сам, горбатый черт...* (А. Чехов); *Придешь, бывало, в деревню, попросишь хлеба – **цоп** тебя! Кто ты, да что ты, да **подай***

паспорт... (М. Горький); *А то они шибко скорые: Морозов, **выдай**, Морозов, **отпусти**...* а у Морозова на складе – шаром покати (В. Шукшин).

Важное место в системе средств выражения побуждения занимают вопросительно-побудительные предложения – как пример конфликтного соотношения формы и содержания сразу по двум классификационным признакам: «утверждение/отрицание» и «вопрос/побуждение/сообщение». Необходимость рассмотрения данного вопроса в свете исследуемых нами проблем более чем очевидна: нам важно показать закономерности функционирования категории утверждения/отрицания в предложениях, совмещающих признаки двух функциональных типов предложений, – вопросительных и побудительных. В данном случае мы сталкиваемся с вхождением единиц другого класса в состав побудительных высказываний.

В центре внимания лингвистической прагматики обычно находится только один тип «побудительных вопросов» – вопросы-просьбы (иногда вопросы-предложения) (ср.: *Не могли бы Вы передать соль?*), при этом отмечается особая роль отрицательной формы вопроса для выражения смягченных, этикетных форм просьбы и предложения. Это слишком узкое представление о функциональных возможностях вопросительных предложений, о степени их участия в реализации сферы положительных и отрицательных смыслов побудительных высказываний. На самом деле эти возможности гораздо шире и к этой категории имеют отношение самые разнообразные (и так или иначе все) типы вопросительных предложений. Этим обусловлена возможность использования как положительных, так и отрицательных (а не только отрицательных) форм вопроса в качестве средства выражения различных видов побуждения – от категорических, грубых и заканчивая подчеркнуто вежливыми и деликатными (этикетными) формами.

Традиционно вопросительно-побудительные предложения рассматриваются как функциональная разновидность вопросительных предложений в несобственно-вопросительном употреблении. По нашим наблюдениям, в качестве регулярного средства выражения побуждения к действию используются не собственно вопросы, а конструкции, в структурном и семантическом отношении соотносительные с вопросительно-предположительными и вопросительно-риторическими предложениями, что в общих чертах соответствует разграничению общих и частных вопросов. Это дает возможность выделить две основные структурно-семантические разновидности вопросительно-побудительных предложений, имеющих коррелятивную связь с соответствующими типами вопросительных предложений. Эти разновидности обозначены в работе как «побудительно-предположительные» и «побудительно-риторические» вопросы.

Побудительное значение вопросов, названных нами побудительно-риторическими, является производным от семантики экспрессивно-отрицательных вопросов, предназначение которых – выражение негативной эмоционально-оценочной реакции на слова или действия собеседника. В экспрессивно-отрицательных вопросах побудительной целенаправленности

высказывается негативное отношение к действиям непосредственного собеседника.

Наиболее общей особенностью вопросов риторического типа является свойственная им асимметрия плана выражения и плана содержания в отношении к оппозиции «утверждение/отрицание»: положительная форма вопроса содержит в себе отрицательное содержание, отрицательная форма – положительное содержание. Благодаря этой особенности положительные по грамматическим признакам экспрессивно-отрицательные вопросы служат выражению запрета – побуждения к неосуществлению действия, обозначенного формой императива, ср.: *Что ты волнуешься?* ('Не волнуйся!'), а отрицательные по форме экспрессивно-отрицательные вопросы содержат побуждение к осуществлению действия: *Почему ты не пьешь?* ('Пей!'). Как правило, положительные по конструктивно-грамматическим особенностям экспрессивно-отрицательные вопросы используются для выражения запрета – побуждения к прекращению действия либо бездействия адресата. Ср.: *Что ты здесь сидишь? Разве хочешь, чтобы тебя застрелили, как воробья?* (Н. Гоголь); [Х л е с т а к о в :] (отодвигая стул). *Отчего же вы отодвигаете свой стул? нам лучше будет сидеть близко друг к другу* (Н. Гоголь); *Чего вы сидите, не понимаю! Позвольте вам выйти вон!* (А. Чехов); – *А ты зачем руками хватаешь?* – сердится фельдшер. – *Я тяну, а ты мне под руку и разные глупые слова...* Дура! (А. Чехов); – *Сдай назад!* – кричит жандарм. – *Куда лезешь? Чего скандалишь?* (А. Чехов); *Как же ты смеешь чужой лес рубить?* – вскипела барыня (А. Чехов).

Второй из основных структурно-семантических разновидностей вопросительно-побудительных предложений являются вопросы, в структурном отношении совпадающие с общими (неместоименными) вопросами (они названы нами побудительно-предположительными). Отрицательные формы предположительного вопроса составляют, по выражению Г.Г. Почепцова (мл.), «наиболее представительный класс примеров в подобном материале», ср.: *Ба, ба, ба, Петр Андреич! Какими судьбами? Откуда ты? Здорово, брат. Не хочешь ли поставить карточку?* (А. Пушкин); *Не изволишь ли покушать?* – спросил Савельич, неизменный в своих привычках. ... (А. Пушкин); [Г о р о д н и ч и й :] *Не угодно ли будет вам осмотреть теперь некоторые заведения в нашем городе, как-то богоугодные и другие?* (Н. Гоголь); [З о я :] *Не дашь Цветаеву? Я аккуратная, клянусь!* (В. Розов); – *А у вас нет ... бинтика?* – заискивающе попросила Марина и посмотрела на сестру умоляюще. *Эластичного?* (Т. Устинова).

По нашему мнению, использование отрицательных форм вопроса для выражения просьбы или предложения связано с тем, что отрицательная форма общего вопроса в системе языка предназначена для выражения позитивного предположения. Согласно указанной особенности побуждение к осуществлению действия в виде просьбы или предложения облекается в форму отрицательного предложения. Побудительные вопросы данного типа отличаются подчеркнутой вежливостью, поэтому рассматриваются как этикетные формы выражения просьбы или предложения.

На перлокутивный эффект рассчитаны самые разнообразные типы вопросительных предложений. На наш взгляд, это целая система, куда входят как узуальные, так и окказиональные способы реализации семантики побуждения средствами вопросительного предложения: собственно вопросительные предложения используются для выражения побуждения окказионально, вопросительно-предположительные и вопросительно-риторические предложения – регулярно.

В этой системе намечается различие в значении и употреблении общевопросительных и частновопросительных, собственно вопросительных и несобственно вопросительных и, что особенно важно, положительных и отрицательных форм вопросительных предложений. Особый («обратный») характер соотношения формальных (грамматических) и семантических признаков побудительных вопросов акцентирует внимание на области значений, связываемых с категорией утверждения/отрицания. В этом, как мы полагаем, находит свое проявление тесная и органичная связь категории коммуникативного назначения и категории утверждения/отрицания в типе побудительных предложений.

В **заключении** подводятся итоги исследования, представлены его основные выводы и обобщения.

Проведенный анализ показал, что лингвистическое содержание терминов «утверждение» и «отрицание» далеко не однозначно, о чем свидетельствуют альтернативные концепции отрицания и размытое, расплывчатое содержание термина «утверждение». Противоречия в истолковании сущности языкового утверждения/отрицания связаны, на наш взгляд, с недостаточно четким разграничением грамматического, собственно семантического и коммуникативно-прагматического аспектов семантики категории утверждения/отрицания.

Специфика отношений утверждения/отрицания, реализуемых в семантических условиях различных единиц функциональной классификации, наблюдения над синкретичными конструкциями позволяют сделать вывод о сложности и неодноплановости категориальной семантики утверждения/отрицания. Утверждение/отрицание является принадлежностью грамматической структуры предложения (предложения языка, «грамматического предложения»), то есть типа предложений, объединенных общностью структурных признаков, и относится к числу грамматических категорий. Но оно является также компонентом денотативной (номинативной), вещественной семантики предложения как относительно самостоятельной, автономной единицы, а также категорией семантики предложения-высказывания в контексте его взаимосвязей и взаимоотношений с другими предложениями, что позволяет говорить об утверждении/отрицании как категории семантического плана высказывания и прагматическом явлении.

Утверждение/отрицание – это не только категория, с помощью которой говорящий фиксирует онтологически существующее положение дел как наличное или отсутствующее (диктальная семантика утверждения/отрицания). Это также категория, с помощью которой говорящий выносит оценку о

соответствии или несоответствии мысли действительности («верификативные», или «да-нет»-значения категории утверждения/отрицания). В реальных процессах коммуникации прагматический аспект семантики утверждения/отрицания обычно реализуется в сфере выражения подтверждения/опровержения, согласия/несогласия с содержанием чужого мнения (высказывания). Для лингвистического исследования в равной степени важно учесть обе стороны семантики утверждения/отрицания.

Многообразие семантических проявлений категории утверждения/отрицания прослеживается на материале различных функциональных типов предложений. Своеобразие оппозиции «утвердительность/отрицательность» как явления семантического плана высказывания можно считать результатом сложного взаимодействия семантики утверждения/отрицания с категориальной (типовой) семантикой сообщения, вопроса и побуждения. «Вопросительное» и «побудительное» утверждение и отрицание – особые модификации семантики утверждения и отрицания, что позволяет включить их в обширную систему значений категории утверждения/отрицания при ее широком истолковании, принятом в нашей работе.

Характерно, что возможность выражения утверждения и отрицания, сопоставимого с аналогичными значениями, реализуемыми в границах типа повествовательных предложений, связана с транспозицией вопросительных и побудительных предложений в область функций повествовательных предложений. Переход из одного функционального типа в другой, как правило, сопровождается сдвигом в характере соотношения утверждения и отрицания в структуре высказывания, и, наоборот, неоднозначное соотношение плана выражения и плана содержания по признаку «утвердительность/отрицательность» обычно дополняется функциональным синкретизмом – переходом вопросительных и побудительных предложений в область значений повествовательных предложений. Синкретизм таких конструкций – двоякого рода: по характеру коммуникативной целеустановки и по признаку «утвердительность/отрицательность».

Понимание сущности категории утверждения/отрицания как многоаспектного языкового феномена дает возможность дифференцировать явления синкретизма не только системно-языкового, но и системно-речевого характера. Конфликт различных сторон высказываемого по признаку утвердительности/отрицательности может выразиться в расхождении между значением предложения, изолированного от контекста, и значением того же предложения, рассматриваемого в условиях коммуникативного взаимодействия двух высказываний в составе диалогического единства. В данном случае синкретизм проявляется как несоответствие между положительным или отрицательным содержанием пропозиции и использованием утвердительного или отрицательного высказывания в функции подтверждения/опровержения, изъявления согласия/несогласия, в качестве ответных реплик с семантикой разрешения/запрещения.

Взаимодействие и взаимопроникновение полярных значений в структуре высказывания является отражением сложной диалектики мира, не исключающего, а допускающего и даже предполагающего наличие разных и даже противоположных свойств (аспектов) одного и того же явления (ситуации). Наше исследование подтверждает, что эти значения представляют собой лишь крайние точки непрерывной семантической шкалы, на которой области значений утверждения и отрицания связаны между собой посредством множества переходных звеньев – явлений, совмещающих признаки оппозиционно противопоставленных единиц. Отношения между полярными значениями имеют диалектический характер и совместимы с их градацией.

Материал различных функциональных типов предложений показывает неразрывную связь категории утверждения/отрицания, категории модальности и категории коммуникативной целеустановки.

Модальность и утверждение/отрицание – разные, но при этом перекрещивающиеся категории, способные к глубокой интеграции и взаимодействию, о чем свидетельствует использование операторов гипотетической модальности для усиления и ослабления утверждения/отрицания. Утверждение/отрицание, встроенное в систему модальных отношений предложения, входит в состав оппозиции «усиленное утверждение/отрицание – ослабленное утверждение/отрицание».

Область значений утверждения/отрицания тесно соприкасается не только с областью модальных, но и с областью коммуникативных значений (функций) предложения-высказывания. Иллокутивное содержание высказывания в качестве составляющей включает в себя и указание на его в целом позитивную или негативную направленность.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монография:

1. Калинина, А.А. Утверждение/отрицание как многоаспектная категория языка и речи: монография / Мар. гос. ун-т; А.А. Калинина. – Йошкар-Ола, 2010. – 272 с.

Статьи в изданиях, включенных в перечень изданий ВАК РФ:

2. Калинина, А.А. Утверждение и отрицание в вопросительном предложении / А.А. Калинина // Русский язык в школе. – 2007. – № 5. – С. 63–68.
3. Калинина, А.А. Проблема утверждения и отрицания в риторическом вопросе / А.А. Калинина // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2008. – № 14. – С. 217–223.
4. Калинина, А.А. Утверждение и отрицание в вопросительно-предположительных предложениях / А.А. Калинина // Филологические науки. – 2008. – № 2. – С. 108–116.

5. Калинина, А.А. Лексические средства выражения утверждения/отрицания / А.А. Калинина // Преподаватель XXI век. – 2008. – № 3. – С. 117–124.

6. Калинина, А.А. «И вам не страшно..? (Утверждение и отрицание в вопросительных предложениях) / А.А. Калинина // Русская речь. – 2009. – № 6. – С. 71–75.

7. Калинина, А.А. Экспрессивно-отрицательные вопросы / А.А. Калинина // Русская словесность. – 2010. – № 2. – С. 37–42.

8. Калинина, А.А. Запрещение в системе прескриптивных значений / А.А. Калинина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 4. Часть 2. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2010. – С. 526–529.

9. Калинина, А.А. Сомнение в системе значений утверждения/отрицания / А.А. Калинина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 3 (15). – С. 106–114.

10. Калинина, А.А. Явление смысловой эквивалентности при выражении утверждения/отрицания / А.А. Калинина // Вестник Чувашского университета: Научный журнал. – 2011. – № 1. Гуманитарные науки. – С. 228–234.

11. Калинина, А.А. Утверждение и отрицание при выражении сочинительно-градационных отношений (на материале языка газетных публикаций) / А.А. Калинина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2011. Том 10. Выпуск 6: Журналистика. – С. 111–116.

Публикации в других научных изданиях:

12. Калинина, А.А. Об одной функциональной разновидности предположительно-вопросительных предложений / А.А. Калинина // Коммуникативные аспекты грамматических единиц: Сборник научных статей. На русском языке / Таллинский педагогический институт им. Э. Вильде. – Таллин, 1988. – С. 58–63.

13. Калинина, А.А. «Вопросы-размышления» как разновидность синкретичных конструкций в системе типов предложений, выделяемых по цели высказывания / А.А. Калинина // IX научная конференция молодых ученых и специалистов Волго-Вятского региона: Тезисы докладов: Часть I. / Горьковский университет. – Горький, 1989. – С. 110.

14. Калинина, А.А. Синкретичные функциональные типы предложений как объект лингвистического анализа / А.А. Калинина // Многоаспектность синтаксических единиц: Межвузовский сборник научных трудов. – М.: МПГУ им. В.И. Ленина, 1993. – С. 101–118.

15. Калинина, А.А. Структурные и семантические свойства побудительно-повествовательных предложений / А.А. Калинина // Многоаспектность синтаксических единиц: Межвузовский сборник научных трудов. – М.: МПГУ им. В.И. Ленина, 1993. – С. 119–124.

16. Калинина, А.А. Соотношение утверждения/отрицания в структуре вопросительных предложений с несобственно-вопросительным значением

/ А.А. Калинина // Семантика языковых единиц: Ч. III. Морфологическая семантика. Синтаксическая семантика. Доклады 4-й международной научной конференции. – М., 1994. – С. 99–102.

17. Калинина, А.А. К вопросу о классификации предложений по признаку «утвердительность/отрицательность» / А.А. Калинина // Актуальные проблемы современной русистики: Тезисы 2-ой региональной научно-практической конференции. – Арзамас: АГПИ им. А.П. Гайдара, 1994. – С. 54–55.

18. Калинина, А.А. Особенности семантики местоименных вопросительных слов в структуре вопросительно-риторических предложений / А.А. Калинина // Функционально-семантические аспекты изучения русского слова. Тезисы докладов межвузовской конференции. Части I и II. – Орехово-Зуево, 1994. – С. 95–97.

19. Калинина, А.А. Речевые аспекты семантики общевпросительных предложений / А.А. Калинина // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Тезисы международной конференции. – Владимир: ВГПУ, 1995. – С. 60–62.

20. Калинина, А.А. Модальные значения вопросительно-повествовательных предложений / А.А. Калинина // Структура и семантика языковых единиц в речи: Межвузовский сборник научных трудов. – Уфа, 1994. – С. 159–167.

21. Калинина, А.А. Вопрос о категории утверждения/отрицания в современной русистике / А.А. Калинина // Путь России: прошлое, настоящее, будущее: Материалы постоянно действующего регионального научного семинара. – Йошкар-Ола, 1996. – С. 102–109.

22. Калинина, А.А. Аспекты семантики риторического вопроса / А.А. Калинина // Актуальные проблемы современной русистики: Тезисы докладов III региональной научно-практической конференции. – Киров, 1996. – С. 36–37.

23. Калинина, А.А. Вопросы-предположения в функции средств выражения экспрессивного утверждения и отрицания / А.А. Калинина // Семантика и функционирование единиц языка и речи: Межвузовский сборник научных трудов / Башк. пединститут. – Уфа, 1996. – С. 128–135.

24. Калинина, А.А. Экспрессивное отрицание в утвердительных по форме повествовательных предложениях / А.А. Калинина // Семантика языковых единиц: Доклады V Международной конференции. Том II. – М., 1996. – С. 38–40.

25. Калинина, А.А. О содержательном аспекте категории утверждения/отрицания / А.А. Калинина // Міжнародна наукова конференція пам'яті професора А.О. Білецького (1911-1995) “Актуальні питання сучасної філології”: Тези доповідей. – Київ, 1996. – С. 27.

26. Калинина, А.А. Семантика двойного отрицания / А.А. Калинина // Языковая семантика и образ мира: Тезисы Международной научной конференции, посвященной 200-летию Казанского университета (7–10 октября

1997 г.). Книга 1. – Казань: Издательство Казанского университета, 1997. – С. 7–9.

27. Калинина, А.А. Отрицание грамматическое и семантическое / А.А. Калинина // Вавиловские чтения. Диалог наук на рубеже XX–XXI веков и глобальные проблемы современности: Материалы постоянно действующей междисциплинарной научной конференции. – Йошкар-Ола, 1996. – С. 156.

28. Калинина, А.А. К проблеме общего и частного отрицания / А.А. Калинина // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы международной конференции. – Владимир, ВГПУ, 1997. – С. 85–86.

29. Калинина, А.А. Категория утверждения/отрицания в вопросительном предложении / А.А. Калинина // Вторые Вавиловские чтения. Диалог наук на рубеже XX–XXI веков и проблемы современного общественного развития: Материалы постоянно действующей всероссийской междисциплинарной научной конференции. Часть 1. – Йошкар-Ола, 1997. – С. 239–240.

30. Калинина, А.А. Ироническое отрицание как явление языка и речи / А.А. Калинина // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы третьей международной конференции. – Владимир: ВГПУ, 1999. – С. 78–80.

31. Калинина, А.А. Категория утверждения/отрицания в побудительном предложении / А.А. Калинина // Третьи Вавиловские чтения. Социум в преддверии XXI века: итоги пройденного пути, проблемы настоящего и контуры будущего: Материалы постоянно действующей всероссийской междисциплинарной научной конференции. Часть I. – Йошкар-Ола, 1999. – С. 307–309.

32. Калинина, А.А. Побудительные предложения с отрицательно-оценочным значением / А.А. Калинина // Исследование языковых единиц в их динамике и взаимодействии: Сборник научных трудов. – Москва–Уфа, БГПУ, 2000. – С. 107–114.

33. Калинина, А.А. Категория утверждения/отрицания в вопросительно-повествовательном предложении / А.А. Калинина // Четвертые Вавиловские чтения. Диалог науки и практики в поисках новой парадигмы общественного развития России в новом тысячелетии. Сб. материалов в 3-х ч. Часть 2. – Йошкар-Ола, МарГТУ, 2000. – С. 169–171.

34. Калинина, А.А. Формальный и содержательный аспекты категории утверждения/отрицания / А.А. Калинина // Актуальные проблемы современной русистики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции памяти В.И. Чернова: В двух частях. Часть первая. – Киров: Изд-во ВГПУ, 2000. – С. 104–106.

35. Калинина, А.А. Утверждение/отрицание и семантика вопроса / А.А. Калинина // Исследования по семантике и прагматике языковых единиц: Межвузовский сборник научных трудов. – Уфа: БГПУ, 2001. – С. 84–89.

36. Калинина, А.А. Категория утверждения/отрицания в свете теории переходности / А.А. Калинина // Языковая деятельность: переходность и

синкретизм: Сборник статей научно-методического семинара «Textus». – Вып. 7. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – С. 172–175.

37. Калинина, А.А. Категория утверждения/отрицания: текстовые формы реализации / А.А. Калинина // Текст. Структура и семантика: Доклады VIII Международной конференции. Т. 2. – М.: Издательство «СпортАкадемПресс», 2001. – С. 276–282.

38. Калинина, А.А. Утверждение/отрицание и проблема истинности высказывания / А.А. Калинина // Шестые Вавиловские чтения. Россия и мировое сообщество в поисках новых форм стабильности: Материалы постоянно действующей всероссийской междисциплинарной научной конференции. Часть I. – Йошкар-Ола, 2002. – С. 264–266.

39. Калинина, А.А. Категория утверждения/отрицания и истинность высказывания / А.А. Калинина // Актуальные проблемы современного научного знания. Шестые Вавиловские чтения: Сборник научных статей. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2003. – С. 205–215.

40. Калинина, А.А. Отрицание в лексике и отрицание в грамматике: возможности взаимодействия и взаимный переход / А.А. Калинина // Актуальные проблемы межъязыковых и межкультурных контактов: Материалы региональной научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения профессора Леонида Петровича Грузова / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2003. – С. 91–96.

41. Калинина, А.А. Континуум значений категории утверждения/отрицания / А.А. Калинина // Седьмые Вавиловские чтения: Глобализация и проблемы национальной безопасности России в XXI веке: Сб. материалов. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2003. – С. 28–30.

42. Калинина, А.А. Согласие/несогласие в системе значений категории утверждения/отрицания / А.А. Калинина // Седьмые Вавиловские чтения. Глобализация и проблемы национальной безопасности России в XXI веке: Сб. научных статей. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2004. – С. 354–361.

43. Калинина, А.А. Утверждение/отрицание как категория художественного текста / А.А. Калинина // Текст. Структура и семантика: Доклады IX Международной конференции. – М.: СпортАкадемПресс, 2004. – С. 58–59.

44. Калинина, А.А. Эмоциональная составляющая категории утверждения/отрицания в современном русском языке / А.А. Калинина // Восьмые Вавиловские чтения. Мировоззрение современного общества в фокусе научного знания и практики: Сб. материалов. В 2 ч. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2004. – Ч. 2. – С. 69–71.

45. Калинина, А.А. Диалогические функции утверждения/отрицания / А.А. Калинина // Вестник Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской: Научно-практический ежегодник. – Йошкар-Ола, 2004. – С. 140–144.

46. Калинина, А.А. Категория утверждения/отрицания среди других категорий предложения / А.А. Калинина // Безопасность человека, общества, природы в условиях глобализации как феномен науки и практики. Девятые

Вавиловские чтения: Материалы постоянно действующей всероссийской междисциплинарной научной конференции с международным участием: В 2 ч. – Москва – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2005. – Ч. 2. – С. 169–170.

47. Калинина, А.А. Утверждение/отрицание как текстовая категория / А.А. Калинина // Филологический анализ текста в школе и вузе: сборник научных трудов. – Йошкар-Ола: МГПИ, 2005. – С. 23–27.

48. Калинина, А.А. Явления синкретизма в области утверждения/отрицания / А.А. Калинина // Филологический анализ текста в школе и вузе: сборник научных трудов. – Йошкар-Ола: МГПИ, 2005. – С. 27–28.

49. Калинина, А.А. Место категории утверждения/отрицания в системе категорий предложения / А.А. Калинина // Безопасность человека, общества, природы в условиях глобализации как феномен науки и практики. Девятые Вавиловские чтения: Сб. статей. – Москва–Йошкар-Ола: МарГТУ, 2006. – С. 295–302.

50. Калинина, А.А. Прагматические аспекты исследования категории утверждения/отрицания / А.А. Калинина // Потенциалы России в глобальном мире: проблема адаптации и развития. Десятые Вавиловские чтения: материалы постоянно действующей Всероссийской междисциплинарной научной конференции с международным участием: в 2 ч. – Йошкар-Ола: Марийский государственный технический университет, 2006. – Ч. 2. – С. 190.

51. Калинина, А.А. Аспекты семантики категории утверждения/отрицания / А.А. Калинина // Структурно-семантическое описание единиц языка и речи. – М.: Прометей, 2006. – С. 100–108.

52. Калинина, А.А. О неоднозначности термина «утверждение» / А.А. Калинина // Актуальные проблемы современной лингвистики. Тихоновские чтения: Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию профессора А.Н. Тихонова (21–23 ноября 2006 г.). Том I. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. – С. 253–257.

53. Калинина, А.А. Соотношение предикативности и утверждения/отрицания в свете общих проблем теории предикативности / А.А. Калинина // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. – С. 191–195.

54. Калинина, А.А. Дуалистичность природы языкового утверждения/отрицания / А.А. Калинина // Научное наследие Б.Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики: Сборник статей по материалам международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора Б.Н. Головина. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2006. – С. 182–184.

55. Калинина, А.А. Утверждение/отрицание как смысловой компонент предикативности / А.А. Калинина // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: Межвуз. сб. научн. статей. Вып. 1. – Тамбов: ТОГУП «Тамбовполиграфиздат», 2006. – С. 212–214.

56. Калинина, А.А. К проблеме сущности языкового утверждения/отрицания / А.А. Калинина // Проблемы языковой

концептуализации и категоризации действительности: Материалы Всероссийской научной конференции «Язык. Система. Личность» (Екатеринбург, 23-25 апреля 2006 г.). – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. – С. 57–61.

57. Калинина, А.А. Коммуникативно-прагматические аспекты функционирования категории утверждения/отрицания / А.А. Калинина // Современная парадигма лингвистических исследований: методы и подходы: Сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. 20–23 ноября 2006 г. – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. академия, 2007. – С. 52–56.

58. Калинина, А.А. Значение отрицательной формы общего вопроса / А.А. Калинина // В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение: тр. и матер. Междунар. науч. конф. (Казань, 4–7 мая 2007 г.). Т. 1: В.А. Богородицкий и Казанская лингвистическая школа. История языкознания. Грамматика. История языка и диалектология. Язык и стиль художественного произведения. – Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. – С. 61–63.

59. Калинина, А.А. Грамматика, семантика и прагматика утверждения/отрицания / А.А. Калинина // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2007 г.): Труды и материалы. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 245.

60. Калинина, А.А. Проблема определения грамматической сущности категории утверждения/отрицания / А.А. Калинина // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: К 100-летию профессора Анатолия Михайловича Иорданского. Материалы седьмой международной конференции. Владимир. 25–27 сентября 2007 года. – Владимир: ВГПУ, 2007. – С. 115–117.

61. Калинина, А.А. Категория утверждения/отрицания в вопросительно-предположительном предложении / А.А. Калинина // Альманах современной науки и образования. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: В 3 ч. Ч. 1: межвуз. сборник научных трудов. – Тамбов: Изд-во «Грамота», 2007. – С. 135–136.

62. Калинина, А.А. Возможны ли утверждение и отрицание в вопросительном предложении? / А.А. Калинина // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы VII-ой Международной научной конференции (Ульяновск, 16–19 мая 2007 г.). – М.; Ульяновск: Институт языкознания РАН; Ульяновский государственный университет, 2007. – С. 92.

63. Калинина, А.А. Семантика утверждения/отрицания в общем и частном вопросе / А.А. Калинина // В.А. Богородицкий и современные проблемы исследования и преподавания языков: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию Василия Алексеевича Богородицкого (1857–1941). – Казань: РИЦ «Школа», 2007. – С. 148–151.

64. Калинина, А.А. Прагматика утверждения / отрицания: текстовый подход / А.А. Калинина // Новые аспекты в области структуры и семантики текста: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора А.Т. Липатова (3 октября 2006 года, г. Йошкар-Ола). – Йошкар-Ола: Марийский государственный педагогический институт им. Н.К. Крупской, 2007. – С. 47–52.

65. Калинина, А.А. Риторический вопрос: утверждение или отрицание? / А.А. Калинина // Активные процессы в современной грамматике. Материалы международной конференции 19–20 июня 2008 г. – М.–Ярославль: Ремдер, 2008. – С. 81–84.

66. Калинина, А.А. Стилистические возможности слабого отрицания (на материале языка СМИ) / А.А. Калинина // Активные процессы в различных типах дискурсов: политический, медийный, рекламный дискурсы и Интернет-коммуникация: Материалы международной конференции 19–21 июня 2009 года. – М.–Ярославль: Ремдер, 2009. – С. 163–170.

67. Калинина, А.А. Утверждение и отрицание в условиях гипотетической модальности / А.А. Калинина // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2010 года): Труды и материалы. – М.: Изд-во Моск. ун-та. – С. 424–425.